

Литературные известия

№ 10 (232)

Октябрь 2024

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Сегодня в номере:

Атланты литературы

*

Проза

*

Поэзия

*

Рецензии

*

Литературная жизнь

*

Литературный кроссворд

*

Реклама

«КАК ГЛУБОКО И ВЕРНО...»

(К 220-ЛЕТИЮ В. Ф. ОДОЕВСКОГО)

Владимир Фёдорович Одоевский (1804–1869) — уникальная личность в истории русской культуры. Это не только замечательный писатель, философ, критик, но и разносторонний ученый, педагог, музыковед, юрист, общественный деятель.

Универсальный характер интересов и занятий Одоевского может проиллюстрировать название проекта, предложенного в 1835 году **А. С. Пушкину** (1799–1837) для совместного издания: «Современный Летописец политики, наук и литературы, содержащий в себе обзорные достопримечательнейших происшествий в России и других государствах Европы, по всем отраслям политической, ученой и эстетической деятельности с начала 3-го (последнего) десятилетия 19-го века».

Обширные и многогранные труды Одоевского свидетельствуют о его незаурядной духовной силе, и без нее были бы невозможны. Писатель так объяснял свое стремление к универсальному, всеобъемлющему характеру деятельности: «Это движение по разным путям, невозможное для тела, весьма возможно для духа».

Неслучайно идеалом Одоевского был прославленный русский самородок, ученый-энциклопедист XVIII столетия **Михаил Васильевич Ломоносов** (1711–1765): «Этот человек — мой идеал; он тип славянского всеобъемлющего духа <...>. Этот человек знал все, что знали в его веке: об истории, грамматике, химии, физике, металлургии, навигации, живописи, и пр. и пр., и в каждой сделал новое открытие, может, именно потому, что все обнимал своим духом».

Творчество Одоевского в настоящее время известно по большей части лишь специалистам-филологам. В то же время произведения писателя представляют не только историко-литературный интерес, но обладают непреходящей художественной ценностью. В них «виден талант могущественный и энергичный, чувство глубокое и страдательное, оригинальность совершенная, знание человеческого сердца, знание общества, высокое образование и наблюдательный ум»¹, — отзывался о сочинениях Одоевского объективный и чрезвычайно взыскательный классик русской литературной критики **В. Г. Белинский** (1811–1848).

Литературный вклад своего собрата по перу также высоко ценил Пушкин. Будучи основате-

лем и редактором журнала «Современник», Пушкин назвал «славной вещью» присланную в журнал повесть «Княжна Зизи» (1836), по поводу которой написал Одоевскому: «всякое даяние Ваше благо. <...> Без Вас пропал «Современник»»².

Основными сотрудниками журнала были сам Пушкин, Гоголь и Одоевский. Об их дружбе, родственности творческих интересов свидетельствует любопытный факт: писатели вдвоем задумали издание совместного альманаха «Тройчатка». Каждый должен был сочинить свою часть триады. Гоголь по поводу этой работы вел переписку из Рима и так адресовал свои письма: «Много-многолюбимому мною князю Одоевскому».

Лицейский друг Пушкина декабрист **В. К. Кюхельбекер** (1797–1846) видел в Одоевском продолжателя передовых, освободительных литературных традиций и писал ему в 1845 году из сибирской ссылки, за год до смерти: «Тебе и Грибоедов, и Пушкин, и я завещали все наше лучшее; ты перед потомством и отечеством представитель нашего времени, нашего бескорыстного служения к художественной красоте и к Истине безусловной. <...> Но главное то, что ты везде желаешь добра, что ты всегда человек мыслящий и благородный, и притом русский».

Замечательный поэт-декабрист **Александр Иванович Одоевский** (1802–1839) — двоюродный брат Владимира Фёдоровича Одоевского — был ему необычайно близок не только по крови, но и по духу: «Александр был эпохой в моей жизни. Ему я обязан лучшими минутами оной. В его сообществе я находил то, чего везде искал и нигде не находил» («Дневник студента»).

В произведениях Владимира, как и в декабристской поэзии Александра, отразилась та же внутренняя оппозиция к несправедливому самодержавно-бюрократическому строю России.

Так, в стихотворении Александра Одоевского «Бал» (1825) лирический герой во время

бала стремится отъединиться от бездушного светского общества. Он отворачивается к окну, на время глубоко уходит в себя. Но внезапно возникает фантазмагорическая картина. Летящие в вихре бала пары, сверкающие роскошными нарядами и «свежей красотой», вдруг превращаются в безобразное, безликое сонмище мертвецов, крутящихся в жуткой пляске смерти:

Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались.
Плясало сборище костей³.

Владимир Одоевский позднее развил те же мотивы в рассказе «Бал» (1833): «Свечи нагорели и меркнули в удушливом паре. Если сквозь колеблющийся туман всмотреться в толпу, то иногда кажется, что пляшут не люди... в быстром движении с них слетает одежда,

Окончание на стр. 2

РЕКЛАМА

современная писательская организация, идущая в ногу со временем и отвечающая потребностям творческих людей

СТАНЬ ПИСАТЕЛЕМ СВОЕГО ВЕКА!

www.writer21.ru
т. (495) 978-62-75

Реклама в газете

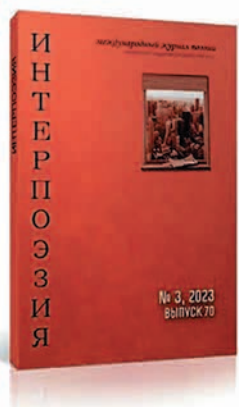
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЗВЕСТИЯ»

Вас прочтут
в 75 странах мира!
Мы ждем Ваших звонков
по тел.:

• (495) 978-62-75 •

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

В «ЧЕХОВКЕ» ПРОШЛА ПРЕЗЕНТАЦИЯ АНТОЛОГИИ ЖУРНАЛА «ИНТЕРПОЭЗИЯ» ЗА 2023 ГОД

26 сентября в Библиотеке им. А. П. Чехова состоялась презентация антологии журнала «Интерпоэзия» за 2023 год.

Открыла вечер директор библиотеки, бессменный куратор салона «Классики XXI века» **Елена Пахомова**.

По видеосвязи выступили главный редактор **Андрей Грицман**, который подчеркнул, что «Интерпоэзия» печатает лучших современных авторов, и ответственный секретарь **Лилия Газизова**.

Затем стихи читали **Дана Курская, Дмитрий Тонконогов, Евгений Степанов, Галина Нерпина, Александр Правиков, Вадим Муратханов**.

Санджар Янышев сделал сообщение о прозе **Виталия Науменко**, а также прочитал фрагменты из его романа, напечатанного в «Интерпоэзии».

Евгений Степанов сказал, что «Интерпоэзия» — это глоток свежего воздуха в современном литературном мире.

Вел вечер соредатор журнала Вадим Муратханов. После официальной части состоялся фуршет, где авторов и гостей потчевали пиццей и роскошными осетинскими пирогами.

Сергей КИУЛИН

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Окончание. Начало на стр. 1

волосы, тело... и пляшут скелеты, постукивая друг о друга костями...»⁴. Впрямь это адское, бесовское коловращение: «а над ними под ту же музыку тянется вереница других скелетов, изломанных, обезображенных... но в зале ничего этого не замечают... все пляшет и беснуется, как ни в чем не бывало» (1, 78).

Такое же беснование, как в аристократическом кругу, отмечал писатель и в чиновничьей среде. Показательна в этом отношении «Сказка о том, по какому случаю коллежскому советнику Ивану Богдановичу Отношенью не удалось в Светлое Воскресенье поздравить своих начальников с праздником» (1833), вошедшая в сборник «Пестрые сказки с красным словом» (1833).

Чиновники даже накануне Пасхи, в Страстную субботу — время особого поста и молитвы — не могут оторваться от карточной игры. Они так увлеклись этим богомерзким занятием, что не слышат колокольного звона заутрени; не замечают, что для всего мира настало Светлое Христово Воскресение. Для одержимых игроков в их запертой комнате с наглухо занавешенными окнами все еще продолжается ночь, над ними господствует адский мрак. И сами они — порождения этого мрака — уже не люди, а тени: «Вот отошла заутреня, отошла и обедня; <...> Вот уже рассвело <...> Но в комнате игроков все еще ночь; все еще горят свечи <...> Наконец догадался один из игроков и, собрав силы, задул свечки; в одно мгновение они загорелись черным пламенем; во все стороны разлились темные лучи, и белая тень от игроков протянулась по полу» (2, 10).

Образ зловещего черного пламени вынесен в эпиграф в виде стихотворных строк князя **А. А. Шаховского** (1777–1846): «Во светлой мрачности блистающих ночей Явился темный свет из солнечных лучей» (2, 10). Поэтические оксюморны «светлая мрачность», «темный свет», выворачивая шиворот-навыворот привычные смыслы, наделяются иным смыслом как inferнальные знаки преисподней.

Бесовские силы сделали своим вместилищем тела заигравшихся бюрократов и сыграли с ними (точнее даже — ими самими) чудовищную шутку. Уже не чиновники играют картами, а ожившие карточные дамы-чертовки, схватив чинуш, начинают играть ими самими. Перед изумленным взором разворачивается немыслимое гротескное зрелище: «карты выскочили у них из рук: дамы столкнули игроков со стульев, сели на их место, схватили их, перетасовали, — и составила целая масть Иванов Богдановичей, целая масть начальников отделения, целая масть столоначальников, и началась игра, игра адская, которая никогда не приходила в голову сочинителя "Открытых таинств карточной игры". <...> Не знаю, долго ли дамы хлопали об стол несчастных Иванов Богдановичей, загибали на них углы, гнули их в парол, в досаде кусали зубами и бросали на пол...» (2, 10–11).

Прочие карты ведут себя, как реальные чиновники, в полном соответствии с бюрократическим ранжиrom: «Между тем короли уселись на креслах, тузы на диванах, валеты снимали со свечей, десятки, словно толстые откупщики, гордо расхаживали по комнате, двойки и тройки почтительно прижимались к стенкам» (2, 10).

Таким образом, царские чиновники, государственные служащие, которые якобы призваны поддерживать порядок в социальной системе, соблюдать законы Божеские и человеческие, по сути своей являются игрушками во власти нечистой силы, марионетками, действующими по дьявольской воле врага рода человеческого. И сами они уже не люди, а призраки, мерзопакостная нежить. Писатель наглядно показывает, что бюрократы разных мастей — всего лишь засаленная колода карт в когтистых лапах бесов, которые тасуют эти карты, как вздумается.

Подобными чудовищными, противоестественными существами кишит «гнусная расейская действительность». Так, в центре наиболее известной повести Одоевского «Княжна Мими» (1834) — образ светской лицемерки, вздорной сплетницы и лазутчицы, которая «вся обратилась в злобное, завистливое наблюдение за другими» (2, 224), разрушая коварными интригами судьбы и жизни людей. Подобные отношения не были редкостью в так называемом высшем обществе: «Оно

ничего не боится — ни законов, ни правды, ни совести. Оно судит на жизнь и смерть и никогда не переменяет своих приговоров, если бы они и были противны рассудку» (2, 222).

В то же время Одоевский вскрывает сатанинскую изнанку типичной ситуации. Создается впечатление, что княжна Мими одержима нечистым духом, бесовским наваждением: «она сама не могла дать себе отчета, — эта было темное, беспредметное вдохновение злости» (2, 242). Подобные демонические приметы вплетаются в ткань повести как намеки, тайные знаки. Но в первоначальном замысле писатель устанавливал прямую связь княжны Мими с нечистью. В черновых записях указывалось, что в подвале дома Мими «жило очень почтенное семейство чертей и занималось изящными искусствами: отец пускал мыльные пузыри, мать сплетничала, а дочь с большим выражением пела». В той же компании «невоспитанный бес "очень дурного тона", игравший хвостом на фортепьяно» (2, 355).

Эти обитатели преисподней, перекочевав в подвал дома, вселились затем и в его хозяйку. Поскольку она сама опустошила свою душу, вытравила из нее все живое, духовное, человеческое. Здесь просматривается прозрачная ассоциация с евангельской притчей о нечистом духе, нашедшем дом (то есть душу человеческую) «незанятым». Тогда бес «идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека

кладывал в отечественной словесности новаторские пути, стоял у истоков того своеобразного направления, которое впоследствии получило название «фантастический реализм». Глубоко разрабатывали его **Ф. М. Достоевский** (1821–1881) в своем вершинном романе «Братья Карамазовы» (1881), **Н. С. Лесков** (1831–1895) в одном из наиболее загадочных произведений русской литературы «Белый орел» (1880).

Причудливая фантастика произведений Одоевского зачастую вскрывает самую суть явлений реальности, помогает их глубинному постижению. Многие «таинственные повести»: «Бригадир», «Бал», «Мстителю», «Насмешка мертвеца», как и «Город без имени», «Последний квартет Бетховена», «Себастиан Бах», — были включены писателем в уникальную, главную его книгу «Русские ночи» (1844), которой исполнилось 180 лет. Здесь Одоевский попытался объединить в нераздельное целое «жизнь духовную и жизнь вещественную». В предисловии он указал на необходимость целостного, всеобъемлющего подхода к феномену жизни как на главнейшую задачу человечества: «Во все эпохи душа человека стремлением необоримой силы, невольно, как магнит к северу, обращается к задачам, коих разрешение скрывается во глубине таинственных стихий, образующих и связующих жизнь духовную и жизнь вещественную; ничто не останавливает сего стремления, ни житейские печали и радости, ни мятежная деятельность, ни смиренное созерцание; это стремление столь постоянно, что иногда, кажется, оно происходит независимо от воли человека» (1, 31).

Одоевский в корне отрицал какую бы то ни было ложь — признак антихриста, «ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8: 44) — и боролся с ней. «Ложь в искусстве, ложь в науке и ложь в жизни были всегда и моими врагами, и моими мучителями», — утверждал писатель. В «Записках для моего праправнука о русской литературе» (1840), написанных «в те грустные минуты, когда, теряя веру в самого себя, упрекаешь себя в излишней деятельности, или, теряя веру в других, упрекаешь себя в недеятельности» (1, 260), Одоевский определил свое место среди тех, «которые бы хотели навести мост над бездною!» (1, 264).

Служа «Богу, а не мамоне» (ср. Мф. 6: 24), писатель призывал «отличить голос честный от торгового» (1, 267) не только в литературе, но и во всех сферах жизни человечества: «отделить совершенно литературу от его жизни и его жизнь от литературы все равно что в дождливую ночь вынести фонарь без свечи или свечу без фонаря. Поставьте, господа, свечку в фонарь! Покройте, господа, фонарем свечку!» (1, 264).

Искания света Божественной Истины, служение ей стали главным смыслом и целью многосторонней деятельности вдумчивого писателя и ученого Владимира Фёдоровича Одоевского. В полном соответствии с заветом апостола Павла, согласно которому людям никогда не следует останавливаться в развитии, в поиске истины, «дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем, и движемся, и существуем» (Деян. 17: 27).

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор

того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом» (Мф. 12: 43–45).

Итак, под пером Одоевского титулованные, вельможные особы предстают обесовленными пустышками, внутри которых обрели пристанище лукавые демоны.

В статье «Литературные мечтания» (1834)

Белинский высоко оценил глубинную — с христианских позиций — критику Одоевским порочных, низменных сторон аристократического и бюрократического общества: «Как глубоко и верно измерил он неизмеримую пустоту и ничтожество того класса людей, который преследует с таким ожесточением и таким неослабным постоянством! Он ругается их ничтожеством, он клеймит печатно позора; он бичует их, как Немезида, он казнит их за то, что они потеряли образ и подобие Божие, за то, что променяли святые сокровища души своей на позлащенную грязь, за то, что отреклись от Бога живого и поклонились идола сует, за то, что ум, чувства, совесть, честь заменили условными приличиями»⁵.

Одоевского считали и продолжают считать писателем-романтиком, идеалистом, мистиком. В то же время он вместе с Пушкиным («Пиковая дама», «Гробовщик») и **Гоголем** («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Портрет», «Нос») про-

«КАК ГЛУБОКО И ВЕРНО...»

(К 220-ЛЕТИЮ В. Ф. ОДОЕВСКОГО)

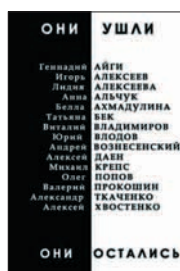
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.: АН СССР, 1953. — Т. I. — С. 97.
2. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. — Т. XVI. — С. 210.
3. Одоевский А. И. Полное собрание стихотворений: Библиотека поэта. — Л.: Сов. писатель, 1958. — С. 54.
4. Одоевский В. Ф. Сочинения: В 2 т. — Т. 1. — М.: Худож. лит., 1981. — С. 78. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
5. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. — М.: АН СССР, 1953. — Т. I. — С. 97.

РЕКЛАМА

Трехтомник о поэтах и поэзии «Они ушли. Они остались»,
составленный Евгением Степановым,
всегда в продаже в магазине «Литлавка»

<http://litlavka.ru/>

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Уильям Эрнест Хенли
Избранные стихотворения
Перевел Алексей ЮРЬЕВ
М.: «Вест-Консалтинг», 2024

Помпезность, гордость, королевский вид?
Пыл праздника и битвы раж?
Шарм, юность, грация — расцвета миг?
Все, как один, уходят в мрак.

В каждой балладе есть заключительная строфа, она в сконцентрированном виде передает сюжетную и смысловую суть баллады. Например, в балладе «Об умерших актерах» заключительная строфа следующая:

И вместе исчезают вмиг
И принц с героем, и их раб,
Так пыль с соломой гонит вихрь, —
Все, как один, уходят в мрак

В цикле «Эхо» помещены короткие и элегичные стихотворения, в них много моря, воспоминаний и поисков покоя:

Волнуется море, гремит
В славном и радостном хоре

Мирт и розы, розы,
Свет солнца, ласточки полет,
Приходит сон, желание уходит,
И память вслед идет!

Пока спим, близится смерть, и не глядя на часы!..
Дайте мне спать.

В цикле «Рифмы и ритмы» затрагиваются темы величия мироздания, космоса, и, конечно же, автор и в этот раз не забывает о воспетой им смерти:

щедрость солнца
Ужасного, огромного, невообразимого
Бесконечное дружелюбие моря —
Их больше нет — больше нет.

О Смерть! О Перемена! О Время!

На мрачном фоне стихотворений Уильяма Эрнеста Хенли, в которых царствует усыпляющая и всепоглощающая Смерть, ярче и полнее звучат его строки жизнеутверждающие. Во многом благодаря этому контрасту и создается ощущение проникновения автором в самые глубины бытия.

Павел ЩЕРБАКОВ

Как мы знаем, поэзия непереводаима.
Еще Данте Алигьери в своем трактате «Пир» писал: «Да знает всякий, что гармонизированное музыкой своею не может быть переложено со своего языка на другой, без разрушения всей его сладости и гармонии».

И ведь действительно, рассматривая стихотворный перевод, мы не можем оценить то, что во многом и составляет сущность поэзии: ритмический рисунок стиха и его звук — то есть ту самую гармонию оригинального текста, о которой пишет Данте. Оттенки смысла оригинала тоже претерпевают неизбежную деформацию, но тем не менее, в целом, смысл нам доступен.

В основу книги переводов избранных стихотворений Уильяма Эрнеста Хенли легла его последняя и наиболее полная книга — Poems by William Ernest Henley.

Переводчик Алексей Юрьев знакомит нас с отдельными стихотворениями из следующих циклов британского поэта: «В госпитале», «Редкости», «Эхо», «Рифмы и ритмы». Сквозной темой всей книги является тема смерти.

В первом разделе книги автор мастерски обыгрывает эту тему, связывает ее с гнетущей атмосферой госпиталя:

Вот госпиталь — сер, тих и стар,
Здесь жизнь со смертью
два торговца дружных.

Обстановка в госпитале до предела предметна и реалистична:

Смятые пластыри в неказистой жестянке,
Ножницы, банки аптечные, корпия.

Рядом мальчик сопит
и дрожит от медного купороса
Старый бродяга толкует о своих старых язвах.

Наблюдая за всей этой весьма безрадостной картиной, поэт делает неутешительный вывод:

Жизнь (так думаю я) —
ошибка грубая и позор.

Цикл имеет связный и линейный сюжет, на его протяжении лирический герой проходит свой путь от входа в госпиталь и ожидания операции, до самой операции, послеоперационных ощущений и выписки из учреждения.

В одном из стихотворений цикла смерть явно романтизируется:

От унылого зимнего отчаяния,
От золотистой летней усталости
Смерть, любовник Жизни,
Освобождает нас навсегда.

Несмотря на весь трагизм цикла, его безвоздушность и страдания лирического героя, завершается он на весьма позитивной ноте, жизнь оказывается сильнее смерти:

И мне снова хорошо..
Август обжигает и выжигает,
Но мое сердце полно апрельской
Кровью и свежестью.

В тихий вечер
Я ленивый, тоскующий, мечтающий..
Мечтающий, а далекая шарманка
Насвистывает мне песенки

Я сижу, и экипаж катит меня
В чудесный мир

В цикле «Редкости» представлены баллады. В балладах автор не только рассуждает о таких вечных темах, как юность и старость, любовь и судьба, но и передает свое ощущение жизни, пишет о летних днях и ночах, в деталях описывает природу и окружающий быт:

И ломоть дыни влагой истекает,
А в темной маслобойне творог возлежит,
Клубника в сливках утопает —
Я думаю о них, чтоб жить!

Без смерти тоже не обошлось. На мой взгляд, одна из наиболее выразительных баллад цикла посвящена именно ей:

Ольга Любимова
Рассказы и повести
М.: «Вест-Консалтинг», 2024

лов прошедшего времени, пропитано светлой грустью: «И луна осталась, конечно. Только висела она теперь не над темными полями, оканчивающимися у горизонта дальним лесом, а над загораживающими небо плоскими крышами высоких домов, утыканными трубами и антеннами, луну, можно было теперь даже не заметить, и вид у нее уже был не такой, словно хочет что-то сказать, не загадочный и доверчивый, а отстраненный и холодно-замкнутый».

Этот рассказ задает тон всей книге: тема плавного течения времени, конечности земной жизни и преемственности поколений более полно раскрывается в следующем рассказе, который завершается на чистой и высокой ноте: «Когда ему было пять лет, он спросил ее о смерти. А лет шести, гуляя с ней летом на даче у пруда с плакучими ивами, поглядев наверх, за высокий мост над прудами, сказал: "Пойдем туда, где кончается небо!"». Все дети — поэты. Они еще не умеют лгать себе и говорят так, как чувствуют. Ей-богу, отрадно это читать. Если знать, что Земля круглая, а небо не кончается, просыпается внутри та же детская вера: все дороги нам открыты, и никакой смерти нет...

В то же время Ольга Любимова уделяет много внимания деталям. И если уж смерть как явление существует в нашей жизни, то и приготовления к похоронам в рассказе «В жизни — в смерти» автор описывает довольно подробно: «Забот было много: договориться на кладбище, заказать гроб, привезти цветы. Ее обмыли сестра и плачущая соседка с пятого этажа. Долго в гардеробе перебирали вещи, во что ее одеть для последнего убора, но приготовленного не было, искали подходящее, наконец выбрали полосатую блузу и домашнюю

Окончание на стр. 4

Проза Ольги Любимовой, если присмотреться повнимательнее, ностальгически поэтична.

Казалось бы, автор описывает обычную жизнь, отрезки которой никак не связаны между собой: история из времен древнего Иерусалима максимально далека от происходящего в советском конструкторском бюро. Но и повествование о жизни в деревне, и рассказ о рабочих буднях, и — нагляднее всего — историческая проза — по сути представляют собой обращение к прошлому. И как много зависит от того, насколько автор сумел придать ему смысл! Можно, конечно, морализировать: раньше было лучше, делайте так и не делайте эдак, но автору это не требуется. Чтобы с апломбом заявить, какой, по мнению автора, должна быть жизнь, большого ума не нужно. А вот показать, какой она была, вынести из своего богатого жизненного опыта и раскрыть то, что свойственно сегодняшним нам: как мы живем, чего боимся, о чем мечтаем — для этого требуется талант писателя.

Лаконичное название первого рассказа — «Было» — сразу настраивает нас на нужный лад: если глагол стоит в прошедшем времени, значит, неминуема причинно-следственная связь «было — и прошло». Мы все имеем дело с потерей: кого-то увольняют с работы, от кого-то уходит любимый человек, кто-то теряет самых близких. Интересно, как память меняет траекторию времени. В обычной жизни время линейно: утро — день — вечер, от понедельника к пятнице, от января к июлю. Когда же человек погружается в воспоминания, ход времени становится многомерным: сначала — скачок в определенную точку жизненного пути, затем один всплывший в памяти случай цепляет за собой другой, одна история вытекает в другую, и прошедшее будто накрывает человека со всех сторон. Недаром мы используем словосочетание «предаться»

воспоминаниям: то есть целостно, «со всеми потрохами» мысленно прожить волнующие моменты. Потом, конечно, тяжело «выныривать», принаравливаясь к текущему моменту, особенно если контраст между «было» и «стало» слишком велик. Оттого и обрывается рассказ в точке возвращения в «здесь и сейчас», и повествование, в коем не счесть глаго-

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Чувство родины в наше время изменило многим людям творчества, впрочем, отчасти это было и раньше. Индивидуализм достиг таких болезненных масштабов, что совершенно перекрыл воздух к понятиям, лежащим в духовной сфере.

В обществе потребления существование многих людей исчерпывается удовлетворением первичных потребностей, либо же потребностей, удовлетворяющих человеческое эго, и все, что вне этих потребностей, как правило, подвергается отрицанию и высмеиванию. Печальнее всего то, что это касается и тех, кто взял на себя роль творцов, то есть тех, чья жизнь в высшем своем назначении, вне всякого сомнения, предназначена служению.

Сергей Есенин в статье «Быт и искусство» писал:

«У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и несогласовано все. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния».

У Анатоля Франса есть чудный рассказ об одном акробате, который выделялся вместо обыкновенной молитвы разные фокусы на трапедии перед Богоматерью. Этого чувства у моих собратьев нет. Они ничему не молятся, и нравятся им только одно пустое акробатничество, в котором они делают очень много головокружительных прыжков, но которые есть не больше, не меньше как ни на что не направленные выверты».

В наше время можно с уверенностью повторить эти строки.

Все же чувство родины возделывается с самого детства, если этого не происходит, то ни образование, ни знание манер, ни благополучная безбедная жизнь не сформируют человека, носящего в себе любовь к своей родине — как живое, вполне естественное и реально ощутимое чувство. В лучшем случае это будет мертвая конструкция, подогнанная под требования общества и существующая только до первых серьезных катаклизмов.

А потому очень радует, что в новом сборнике стихотворений «России дух неистребим», который посвящен Специальной военной операции, так много искренних стихотворений от студентов и школьников. Например, вот сюжетное стихотворение студента МГИМО Егора Копосова:

Как много важного рутинной едкой стерто
Из нашей памяти. Ведь каждый день непрост.
...Две хрупких девушки в военных гимнастерках
Нам в наше прошлое прокладывают мост.

России дух неистребим

Сборник гражданской лирики поэтов МИД, творческих союзов, участников СВО, жителей Самарской области и воссоединенных субъектов Российской Федерации
М.: «Вест-Консалтинг», 2024

Слегка смущенные, но искренние взгляды
И преисполненные истины слова
Перенесли меня туда, где канонады
Сроднили в месиве железо и тела.

Где боль и голод обесценили стенанья,
Где опрокинулся от похоронки взгляд,
Где зори тихие со свадебными снами
Застыли в вечности. Где журавли летят.

Эти, пусть местами и не вполне мастерские, но довольно выразительные строки представляются мне искренними. Искренность, то есть подлинность, та основа, без которой никакие, даже самые технично сделанные стихи, в высшем смысле поэзией не являются.

Жизнь дипломата тоже служение, служение куда более очевидное, чем, например, служение литератора, но в нашей истории многие писатели совмещали именно эти два рода службы. Отчасти об этом — в стихотворении с историческим экскурсом пишет Министр иностранных дел России Сергей Лавров:

Был посольский приказ, и послы выполняли приказы,
Чтоб удельных князей потеснее с Москвою сплотить.

Пробивали пути, шла за ними Россия по следу,
Расширяя влияние и множа владенья свои.
И на этой стезе жизнь отдал не один Грибоедов,
Выполняя приказ вдалеке от Российской земли.

В поле воин один — так бывает, и это не ново.
Дипломат должен сам дать единственно верный совет,
Должен он, как поэт, находить только верное слово,
Крепко помня при том, что пророков в отечестве нет.

Выручали страну Грибоедов, и Пушкин, и Тютчев —
В их словах обретала Россия сознание свое.

Будто бы о вполне очевидном в сборнике гражданской лирики пишет Евгений Степанов:

Сулят дары славянам щедро.
Хотя интересуют псов
Лишь наши земли, наши недра.

Не нужно обладать экономическим образованием, чтобы понимать такие простые вещи, но в своей наивности многие действительно не осознают этого, предполагая, что у «сулящих дары» одни лишь добродушные мотивы.

Во втором разделе сборника напечатаны стихотворения жителей Донбасса. Среди авторов много детей, то есть тех ребят, что с самых ранних лет проживают войну по-настоящему, и в подлинности чьих слов уж точно нельзя сомневаться. Как и пишут составители сборника, не все напечатанные в книге стихи безукоризненны в литературном плане, но все они написаны по велению души, от чистого сердца.

Очень важно, что в наше время выходят такие сборники, причем выходят довольно неплохим тиражом. Благодаря этому картина современной литературной жизни представляется более полной и многогранной. У авторов есть возможность поделиться своими чувствами к родине и художественно выразить свою однозначную гражданскую позицию.

Павел ЩЕРБАКОВ

Окончание. Начало на стр. 3

юбку и сняли с руки обручальное кольцо». Последняя деталь ощутимо «царапает», напоминая о том, что горе горем, а жизнь продолжается, да и кольцо это — вещь ценная, а ей уже не пригодится... Опять же, традиции. В нашей культуре, если второй супруг жив, кольцо умершего супруга снимают. Констатация этого факта завершает собой длинное предложение с однородными членами. И если до определенного момента продолжают хлопоты, связанные с траурным ритуалом, последнее действие завершает их, ставит финальную точку. И становится как-то не по себе. Но в творчестве Ольги Любимовой смыслообразующая диада «жизнь — смерть» ставит акцент на слове «жизнь»: умершую провожает духовой оркестр, что выглядит избыточным. При жизни женщина не занимала высоких постов, по статусу ей не полагаются такие «громкие» похороны. Но ее провожают с музыкой. Ведь смерть — это, можно сказать, составляющая жизни, данная человеку для того, чтобы он помнил о ценности этой самой жизни и готовился к своему уходу: хорошенького понемножку.

Что же касается жизни, то Ольга Любимова (обратите внимание на жизнеутверждающий, отглагольно-деятельный псевдоним Алисы Аркадьевны Гринько, женщины с очень интересной судьбой) описывает ее рассудительно и обстоятельно, особенно ясно это мы это видим в повести «Деревня». С уважением отзывается она о деревенских жителях, которым некогда забивать себе голову экзистенциальными вопросами: «Люди, живущие у земли. Все, что в городских удобных квартирах идет быстрым автоматом, без растраты высшей нервной деятельности и заметных затрат времени, бесконечная череда мелких и мельчайших повседневных дел, проблем жизнеобеспечения, самых простейших, — у них поневоле занимает все дневное время, время жизни. Каждую минуту надо какую-то мелочь сделать, сообразить; сполоснуть посуду, но эту воду не выливать, а перелить, но куда? — мыльную воду тоже не сливать, еще пригодится, перелить, куда?»... И правда: в деревне осознание жизни приземленное, острое, упомянутые ранее экзистенциальные категории «жизнь» и «смерть» ощущаются естественными. Думать-то попусту некогда: а хозяйство, а скотина?! Время не всегда

Ольга Любимова

Рассказы и повести

М.: «Вест-Консалтинг», 2024

рассматривается сельским жителем как стремительно проходящее. Размеренный ритм жизни, «открытость» общения — все друг у друга на виду — не позволяют человеку оказаться в вакууме физического одиночества. По сей день в деревне существует социальный контроль: каждое действие может стать объектом жесткой оценки окружающих. Но, с другой стороны, случись что, и плечо тебе подставят. Например, перед отъездом Насти в город ей всячески пытаются подсобрать: возьми молочка с собой, сына попить, возьми рыбки... Это древнее, неписаное правило деревни — даже не просьба, а факт того, что человеку трудно, сигнализирует: надо помочь. И ведь помогают, и до сих пор так живут, даже в поселках городского типа, куда давным-давно пришла цивилизация (это мне известно по собственному опыту). А ведь от соблюдения этих негласных правил зависит порой человеческая жизнь...

Так же внимательно, стремясь разъяснить читателю суть вещей, автор рассказывает о жизни в Израиле. Довольно трудно одинаково «выпукло» объяснять читателю особенности менталитета жителей русской глубинки и людей, населяющих территорию Земли обетованной. Однако в этом и заключается писательское мастерство. Главное различие в наших культурах показано автором практически вскользь — о национальном характере ярче всего говорят так называемые «мелочи»: «Дикость противоречия, не могущая поместиться в мозг. "Богатство и счастье" — на иврите произносятся одинаково, в прописи разнятся одной буквой». Все-таки у нас в ходу другая поговорка на этот счет — «Не в деньгах счастье». Правда, вторая половина этой поговорки известна не всем. Полностью она звучит так: «Не в деньгах счастье, а в согласии»... Ольга Любимова пристально наблюдает за разными людьми. И что же? Люди — они везде люди: тревожатся о будущем, вспоминают прошлое, задумываются о смысле своего существования. Разница, скорее, в окружающих декорациях, весьма разнятся также культурные коды (если говорить об израильтянах и русских), но, по сути, все хотят быть счастливыми и пытаются это воплотить в меру своих сил. Живые и убедительные описания делают рассказы и повести Ольги Любимовой интересными, а философские вопросы, «упакованные» в текст житейских историй, заставляют читателя принимать их близко к сердцу и «примеривать» на себя. Ведь у каждого из нас есть что поведать миру под заголовком «Было». Другое дело, что далеко не каждый может сделать это так сдержанно, по-женски мудро, как мы видим в настоящей книге. Написанные в разное время и о разном, произведения Ольги Любимовой придутся по вкусу широкому кругу читателей.

Ольга ЕФИМОВА

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Мне почему-то хорошо думается со стихотворениями Евгения Степанова. Он соединил в одном томе то, что резонирует в душе здесь и сейчас. И это, на мой взгляд, очень «правильное» избранное. Написанное давно может оказаться актуальнее и злободневнее сочиненного вчера. Большое творчество часто начинается со страдания. Инструментарий поэта ничего не стоит без испытаний души. Подобно Данте Алигьери, Евгений Степанов прошел за несколько последних лет все круги ада. И это только взгляд со стороны. Изнутри все может быть намного жестче. Испытания часто делают человека лучше. Иногда — бесстрашнее, иногда — добрее. Мы видим, что творчество Евгения устремлено к свету. «Я живу по вертикали: / Почва — чувства — небосвод», — признается поэт. Он — почвенник неба: «не боюсь быть нелепым / тот живой кто неловок / между почвой и небом / лишних нет остановок». Что совершенно точно — в стихах Степанова пульсирует современность:

Сквозь пальцы в песок утекает вода.
Бог смотрит все строже и строже.
А слово «победа» и слово «беда»
Немного похожи.
И чувство бессилья и чувство стыда
Пронзают до дрожи.

Евгений Степанов верен себе, он одновременно пишет и верлибры, и рифмованные стихи. Он тот редкий автор, который все время пытается найти в своем творчестве что-то новое. И, перечитывая, может что-то кардинально изменить в тексте свежим взглядом. Мы живем в странное время, когда от человека требуется универсализм, но читатели не могут охватить человека в нескольких ипостасях. Это проблема современного восприятия. Честь и хвала Евгению Степанову, что он себя не упрощает в угоду неприхотливому вкусу. Лучший Степанов — там, где он ищет смысл жизни, ответы на мучительные вопросы.

У Евгения — мощные антивоенные стихи. Конечно, он — поэт-мыслитель. Евгений не боится простоты, потому что время, в которое мы живем, — сложное: «Так получилось, что сильна / Царица Смерть в разгар террора. / Так получилось, что война / Запрощает не очень скоро». Здесь у Евгения присутствует многозначительность, которая раздвигает временные рамки отдельного стихотворения. Можно подумать о конкретном военном событии (таких, в горячей фазе, сейчас два). А можно увидеть у Степанова переключку со знаменитыми строчками Игоря Талькова: «Я мечтаю вернуться с войны, на которой родился и рос». И эта война — в наших душах — точно закончится не скоро.

«Младший брат травы» — возможно, лучшая книга Евгения Степанова. Говорю это как человек, который рецензировал несколько его книг. Мне нравится это название, в нем слышится близкое мне: «Поговори со мной, трава!». Трава — это что-то очень простое и очень живое. Странно, что маленькая трава старше своего брата-человека. В этом есть некий парадокс. Стихам Евгения Степанова свойственны как бескомпромиссность, так и взвешенность. Снова парадокс? Евгений — двойной воздушный знак, сосед Пушкина по Зодиаку. Как двойной знак, он, несомненно, и дружен с парадоксами. В сущности, парадоксальна вся наша жизнь. Но парадоксы — хлеб поэзии. Не случайно Пушкин так высоко ценил «друзей парадоксов».

В строчках Степанова щедро фонтанирует время: «Что было бетоном, то стало трухой. / Что было барьерами — стало мостами. / И самый хороший, и самый плохой / Довольно легко поменялись местами». Здесь мы видим «переворачивание символов», о котором писал Рене Генон. Плохое маскиру-

Евгений Степанов
Младший брат травы
Книга стихотворений
М.. Вест-Консалтинг,
Книжная серия «Библиотека Поэтограда», 2023

ется под хорошее, и без острого зрения души его не распознать. Это происходит, к сожалению, в самых разных областях человеческой деятельности. И не только в России, но и во всем мире. И фразу «всем миром мазаны» — можно, наверное, воспринимать и в этом ракурсе, глобалистически, вне церковного контекста.

Евгений — мастер формы. Но в новой книге, на мой взгляд, содержание доминирует над формой. Степанов отдает предпочтение содержанию. Разные даты под стихотворениями Евгения свидетельствуют о том, что автор неоднократно возвращался к своим давним произведениям. Порой — уже как критик и редактор. Даже в хорошем стихотворении иногда хочется что-то поправить, потому что изменилось время. Слогу Степанова свойственна афористичность. В этом он наследник своего тезки Евгения Евтушенко: «Если погибать, то за идею. / Впрочем, лучше за идею жить». Еще один афоризм от Евгения Степанова: «любовь — это когда альтернатива невозможна».

Поражает стихотворение «Памяти Тютчева». Оно совсем не о нашем классике. Оно — о родине. «Люблю Россию я, но странно любовью», — говорил Лермонтов. Стихотворение Степанова поражает амбивалентной сложностью отношения поэта к родине. Удивительно, но из плохого у него следует вывод, что хорошее побеждает. Особенно сложно в это поверить именно сейчас. Но стихи Евгения были написаны еще до пандемии. В этом стихотворении цепляет слово «надежда». Вызывает вопросы. Многие в последние годы уехали, стали релокантами. Что же в этом надежного? Какая в этом надежда? Но у Евгения Степанова есть какой-то другой, сквозной взгляд на родную землю. И, не исключая, более глубокий. Надежда у него — это вековая страна, а не ее временное руководство. Поэт вне своей страны не существует. Спасибо Евгению за эту внутреннюю веру, которой он щедро делится с читателями. Он соединил в устаревшем слове «надежда» надежду и надежность. Впрочем, некоторый исторический пессимизм в тексте Степанова тоже присутствует:

ПАМЯТИ ТЮТЧЕВА

Это родина: снег, холодрыга,
Это вести плохие и мечь.
И кому-то басманное иго,
А кому-то гагская жечь.

Это родина: род и отродье,
И родной до беспамятства сброд,
Черных речек разлив, половодье,
Черных речек, не пройденных вброд.

И страшна, и грешна, и — пригожа!
И не нужно какой-то иной.
Это родина, это надежда.
А надежда навеки со мной.

Евгений Степанов, коренной москвич, часть жизни прожил в глубинке, часть — за рубежом. И у него выработалась четкая точка зрения на многие животрепещущие вопросы. Степанов попадает в нерв нашего времени. И это главное достоинство новой книги. Но Евгений идет дальше — он пытается заглянуть и в будущее. В стихотворении «Тут-и-там» он с горечью в душе сообщает, что по ту сторону жизни, возможно, оказалось больше дорогих ему людей, чем осталось здесь. Там мама, Татьяна Бек, Слава Лён, отец и сын Тимофеевские — «И та, в которую влюблен / Я буду, как пацан, до гроба». Речь идет о Наталии Лихтенфельд. Потери огромны, с этим сталкивается каждый живущий. «Тут-и-там» — настолько важное для автора стихотворение, что оно дало название целой главе. И в этой главе жизнь, несмотря ни на что, сильнее смерти:

Это не страшно, что кровь запеклась
Там, где вздымается мышца сердечная.
Точно в сети побывавший карась,
Жизнью любуюсь взахлеб, бесконечно я.

Каждый автор старается по максимуму использовать в стихах сильные стороны своего дарования. На мой взгляд, у Евгения Степанова это — способность широко смотреть на мир и удивляться. Никаких тематических табу для него не существует. Он пишет буквально обо всем. Евгений — один из самых образованных, интересующихся всем на свете авторов. В сложных темах поэта выручает способность к анализу. Вертикально у него и само время. Вот пример вертикали времени из «Младшего брата травы»: «нами правят потомки Чингисхана и Наири».

«Поэзия — это несовершенная душа человека, облеченная в совершенную форму», — говорит Евгений. И трудно с этим не согласиться. Поэт очень оригинально «обиграл» пророчества Нострадамуса, сообщив о напасть, которые выпадут в будущем на долю чужих народов, но умолчав при этом о грядущих бедах собственного народа. С одной стороны, пророчить напасти родине нехорошо. С другой, говорить плохое о других и умалчивать о себе тоже нехорошо. Как быть? Писать стихи, размышлять над загадками бытия, стараться быть честными перед собой и Богом. Все повторяется, все возвращается, а пророческие способности Евгения Степанова сомнений у меня не вызывают.

Александр КАРПЕНКО

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА
В ЕЖЕМЕСЯЧНОЙ ГАЗЕТЕ
«ПОЭТОГРАД»

тел.: • 8 (495) 971 79 25

почта • POETOGRAD@MAIL.RU

сайт • <http://www.poetograd.ru/>

СОВРЕМЕННЫЕ СКАЗКИ

ПАВЕЛ ЩЕРБАКОВ
ДВЕ СКАЗКИ

ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО

Жила-была одна очень культурная семья: мама, папа и их маленький сын.

Очень часто они все вместе ходили в театр, и чтобы лучше видеть то, что происходит на сцене, каждый брал с собой маленький бинокль. И не зря! Ведь каждое представление сцена излучала нечто неземное, то, что всегда очаровывало зрителей.

Вот вышел актер в розовом костюме с желтыми пуговичками, — ах, какое у него выражение лица, какие движения он проделывает в танце! Какая страсть! Какой восторг!

И бинокли восхищались увиденным вместе со своими хозяевами. Они очень гордились тем, что могут видеть такое прекрасное торжество, да еще и в таких деталях!

Оказываясь дома после очередных театральных представлений, будучи аккуратно положенными на тумбочку, бинокли всегда рассказывали друг другу об увиденном, продолжая гордиться той долей, что выпала на их век. Они чувствовали себя истинными знатоками всего прекрасного, что может быть на белом свете, и даже если не всего на свете, то уж точно знатоками самого прекрасного из того, что можно было увидеть собственными глазами.

Однажды в один из осенних дней пошел сильный дождь. Казалось бы, скажет любой остроумный ребенок, что тут необычайного? Ведь осенью дожди не редкость, и можно было бы согласиться с этим, если бы не одно обстоятельство — у мальчика из очень культурной семьи этот самый день был его днем рождения, а ведь не на каждый день рождения выпадает дождь!

— Какая ужасная погода! — воскликнул один из биноклей. — Кажется, наш ближайший поход в театр будет обязательно отменен!

— А по мне, так погода отличная! — простодушно ответил зонт мальчика, что стоял в углу комнаты.

— Господин зонт, скажите нам, — обратился к зонту другой бинокль, — какого это — быть нужным людям лишь при наступлении у них всякого рода неприятностей, вроде сегодняшнего дождя?

— Для кого неприятности, а для кого повод для прогулки! — тут же, не раздумывая, ответил зонт.

Ему были чужды сложные рассуждения биноклей, а потому их ехидные наблюдения ничуть его не задевали. Все чего ему не хватало — это порывов свежего воздуха и легких прикосновений прохладных дождевых капель.

Но погода не омрачила праздник. Преданные друзья мальчика, а именно такими они и были, пришли к нему в гости, а те, что не пришли, не сделали этого лишь потому, что родители не отпустили их в такой ливень.

Дом был наполнен необычайным светом и теплом, царила особая волшебная атмосфера. Гости радовали мальчика самыми разными подарками: кто-то подарил книгу с интересными картинками, кто-то целую энциклопедию! Дарили игрушки, сладости и другие не менее приятные вещи, но самый большой подарок случился от папы.

Это была огромная коробка синего цвета, она стояла нетронутой до позднего вечера.

Когда все гости разошлись, отец вместе с сыном перенесли коробку поближе к окну.

Павел Щербаков — поэт, прозаик, литературный критик. Родился в 1999 году в Калининградской области. Окончил факультет управления экономики и права РАНХиГС. Студент Литературного института имени А. М. Горького. Печатался в сборнике поэзии и прозы литераторов Калининградской области «Голоса города», в альманахе «Литерра Балтика», журналах «Дети Ра», «Зарубежные записки», в газете «Литературные известия». Живет в Москве.

— Что же там такое несут, неужели нового постояльца? — зашептали цветы в разноцветных горшочках, что стояли на подоконнике.

— Ну нет, коробка слишком большая, вряд ли в ней один из нас, — произнес один из цветков.

Между тем, коробка была раскрыта, и вместе с кусочками белоснежного пенопласта на свет появились первые очертания неизвестного гостя.

По виду он напоминал довольно крупный кусок трубы, впрочем, так его и обозвали.

Но вот трубу полностью достали из коробки вместе с тремя довольно длинными ножками, что были незамедлительно к ней прикреплены. На таких ногах далеко не уйдешь, зато стоять можно уверенно.

Труба была такого же синего цвета, как и коробка, только слегка потемней. Ее тело украшало множество блесток, и, как оказалось, труба была не пустой, внутри у нее находились огромные линзы, слишком огромные, по мнению внимательных биноклей.

Направив более широкий конец трубы к затянутому тучами небу, к всеобщему удивлению жильцов комнаты, ожидающих нечто необычайное, отец с сыном просто ушли, оставив трубу в таком неподвижном виде.

— Кто вы? — сразу же задал трубе вопрос один из биноклей.

— Не знаю, я подумала: вы мне об этом расскажете, — смущенно ответила труба.

— Предполагаю, что вы — труба, уж очень-то вы смахиваете на ту ржавую персону, что свисает у окна по ту сторону стены.

— А в чем, собственно, ваше назначение? — со скрипом спросил диван.

— И это мне неизвестно.

— Как такое возможно? — возмутились все разом.

— Погодите, не у вас ведь имеются линзы, должно быть вы имеете некое сходство с нами, — заметил один из биноклей, — а значит, у вас должно быть отличное зрение!

— Возможно, — тихо ответила труба, — я не знаю, ведь все, что я вижу — это большое размытое серое пятно, и ничего больше.

— Как ужасно! Неужели вы действительно ничего больше не видите?! — заохали бинокли.

Трубе стало не по себе, ведь ей самой очень хотелось узнать свое назначение.

Из-за непонятного чувства она не могла смириться с тем, что наблюдать столь отвратительное смазанное серое пятно и есть то самое назначение всей ее жизни! Да не могло этого быть! Неужели кто-то посмел совершить с ней такую злую шутку?

— Наверно, это ошибка, и место этой трубе не в этой комнате, а там, где сейчас льет дождь — на улице! — заметил самый маленький бинокль. — Неужели вы не видите, сами рассудите: эта труба слишком огромна, чтоб видеть то, что видим мы!

— Я думаю, — подхватил бинокль побольше, — если сводить эту трубу в театр, то вместо яркой сцены в ее прекрасных деталях она увидит лишь грязное пятно, проще говоря, совершенно ничего не увидит. Не всем дано видеть и понимать то, что дано понимать нам. Не всем дано понять высокое искусство!

— Да что вы понимаете? — прервал бинокля зонт. — Вы не любите воду и воздух, не знаете, каково это — раскрыться и впитывать всем своим телом холодные капли, что падают с неба!

Бинокли на этот выпад лишь дружно фыркнули.

Но слова зонта ничем не утешили трубу, ведь она, как и бинокли, не находила ничего симпатичного в дожде, как, собственно, и в свежем воздухе.

Ожидания сбылись: всю последующую неделю шли дожди. Небеса окутывали землю темно-серой пеленой, в которой лишь изредка вспыхивали небольшие молнии.

Все это время бинокли продолжали смаковать чужое несчастье, без умолку повторяя, что именно им доступно то, что недоступно другим.

О, как же высоко они себя возносили!

Всех, не обладающих даром видения прекрасного, бинокли считали предметами второго сорта, а трубу тем более, ведь она казалась им совсем бесполезной вещью!

— Неспроста эту трубу поставили у холодного окна! Там ведь и простудиться можно, а мы лежим в тепле, нас явно ценят больше! — говорили они друг другу.

Прослушав все это, труба почувствовала себя настолько плохо, что опустила свой взгляд в пол, оставив последнюю надежду увидеть в небе хоть какой-то знак. Теперь она видела лишь тьму. Ей стало казаться, что даже старый диван своим скрипом смеется над ней, как смеются все остальные. Ведь и он знает, для чего живет в этом мире.

Но, как и всему на свете, что сеет смуту, рано или поздно суждено прекратиться, — прекратилась и та осенняя буря: тучи уплыли прочь, небо прояснилось, и наконец-то выглянуло долгожданное солнце. Все вокруг осенило чарующей тишиной.

Покой воцарился всюду, но только не в той комнате, где в полном отчаянии стояла несчастная труба. Бинокли все так же повторяли свои прежние слова: «Какое недоразумение! — говорили они. — Нас оскверняет само присутствие этой трубы рядом с нами! Кто посмел поместить в нее линзы, какое глумление над нашим даром! Вот мы, мы видим прекрасное, но как же бесполезна эта труба!»

И они говорили, говорили это снова и снова, а труба слушала.

И как им было не скучно повторять одно и то же? Наверное, они слишком долго не ходили в театр, и эти недобрые разговоры были единственным, что могло наполнить теплом их прохладные сердца.

Так прошел весь день, но к ночи к трубе подошел мальчик. Он удивился, когда увидел, что труба склонилась к полу, и немедленно направил ее взгляд в небо.

— Зачем он заставляет меня поднимать свой взгляд? — подумала труба. — Какой негодный мальчик! Неужели он не знает, что я ни на что не пригодный предмет?!

Бинокли и все остальные жители комнаты подумали точно так же, — «Зачем он с ней возится? Да еще и в такое позднее время! Бесполезное дело!»

Взглянув в небо, труба вновь увидела смазанное пятно, только теперь оно было черно-белого цвета.

Но вдруг что-то внутри трубы повернулось, и вместо размытого пятна появилось четкое изображение. Это было прекрасное звездное небо!

Труба услышала, как звезды шепчутся друг с другом, и этот тихий шепот заглушил громкие и мерзкие восклицания биноклей, что вмиг слились в едва слышимый шум, не имеющий никакого значения.

Труба забыла о том, что она стоит в маленькой комнате, которая совсем недавно казалась для нее очень большой. Какое бы скверное чувство не угрожало ей, теперь она точно знала, что из самых темных мест мира лучше всего видно звезды.

Она забыла обо всем, даже о том, что она — труба. Ее душа будто вырвалась из своего тела, видимое ею поглотило ее и навсегда унесло с собой.

Труба обрела свое истинное назначение.

2021

ОСКОЛКИ

Жила на свете одна очень красивая кудрявая девочка.

Красоту ее было не описать, но была она так прекрасна, что многие ее подружки тайне желали ей всего самого неприятного, хоть и улыбались ей при каждой новой встрече.

Восхищалась собою, точнее, своею красотой, и сама кудрявая девочка. Очень уж любила она смотреться в свое золотое зеркальце, но не было в ее взгляде на свое отражение никакой самовлюбленности. Собственная красота была для нее такой же загадкой, как и для всех окружающих.

Однажды летним утром, прогуливаясь вдоль лесного ручья с тем самым золотым зеркальцем, девочка засмотрелась на небо. Уплывающие в даль причудливые облака напоминали ей ее собственные извилистые кудри. Да так она засмотрелась ввысь, что вдруг споткнулась о кочку и упала, поранив коленки.

Бедное зеркальце! Выпав из рук девочки, оно ударилось о камень и разбилось на три больших осколка.

Окончание на стр. 7

СОВРЕМЕННЫЕ СКАЗКИ

ПАВЕЛ ЩЕРБАКОВ
ДВЕ СКАЗКИ

Окончание. Начало на стр. 3

Поранившись, девочка скорее побежала домой, в тот момент ей не было никакого дела до разбитого зеркала.

Тем временем каждый осколок зажил собственной жизнью, и каждый, конечно же, забыл, что когда-то был частью одного зеркала.

Осколки оказались в плену у своих собственных особых судеб.

Первый упал так, что отражал только бескрайнее небо. Днем перед ним пылало яркое солнце, неслись воздушные облака, а ночью он видел океан бесчисленных звезд.

Второму осколку повезло меньше, он упал набок и ему досталось отражать только берег ручья. Там не было неба, только серая глина, щебень и черная вытоптанная земля.

Вместе все это было похоже на обыкновенную грязь.

Третий осколок чудесным образом упал между камней так, что мог видеть почти все — и прозрачную воду ручья, и небо со звездами, что отражались от зеркальной поверхности водной глади, дно самого ручья и даже его берег.

— Ах, как хорошо устроен этот прекрасный мир! — восклицал первый осколок, наблюдавший небо, — какое счастье быть частью этого бескрайнего великолепия!

— Неужели ты не видишь? — спрашивал его второй, что отражал только грязь, — этот мир ужасен! Он просто отвратителен.

Второй осколок был не слишком приветливым, а все потому, что он был очень несчастен. Видите ли, каждый осколок

превращается в то, что он отражает, по крайней мере так думают все осколки, потому второй осколок посчитал себя безобразным.

— Лучше бы я и не появлялся на этот свет, — думал несчастный осколок, — наверное, тот восхищенный осколок очень глуп, раз не видит, как безобразен наш мир.

Но первый осколок ничего не отвечал второму и продолжал славить красоту вокруг себя.

Тем временем третий осколок молчал, ведь он отражал все, что отражали остальные, и даже больше! И в отличие от остальных осколков, ему было с кем пообщаться, кроме своих собратьев.

Он смотрел на разный мир вокруг себя и совсем не мог решить, каков же он? И хотя третий осколок наблюдал прекрасное небо, как и первый, но видел он его только в отражении быстро бегущего ручья.

Старый глубокий ручей был очень мудр, ведь однажды в древности воду из него пил великий мудрец.

И хоть много воды утекло с тех пор, мудрости ручей не утратил, ведь каждая его капля передавала частицу своих знаний следующей.

— Прекрасен ли наш мир? — вдруг спросил третий осколок у ручья.

— Небо прекрасно, — прожурчал ручей.

— Быстрый ручей, иногда я вижу тебя насквозь! Почему же небо кажется нам прекрасным, а грязь ужасной? — снова спросил любопытный осколок.

— Когда-то очень давно я не знал этого, но мудрец коснулся моей воды, и с тех пор небо кажется мне прекрасным, а грязь ужасной. Я знаю, что в глубине я полон ила и глины, но днем тянусь к золотому солнцу, а ночью к серебряным звездам, — ответил ручей.

— О, небо, небо! — воскликнул третий осколок, — Как я хорошо вижу его, когда нет ветра, но как только ветер подует, твоя водная гладь покрывается рябью, и прекрасные небеса разбиваются на маленькие кусочки. Грязь же всегда рядом. Может быть, и нет никакого неба?

— Неба могло бы и не быть, — отвечал ручей, — но солнце, луна и звезды есть точно! Ведь все прекрасное и безобразное мы отражаем только в их свете!

— Что там за пустая болтовня, — возмутился второй осколок, — никакого покоя! Никакой тишины!

— И все-таки мир прекрасен, — послышался тонкий голос первого осколка.

Неизвестно, сколько бы еще восхищались, страдали и задавали разные вопросы эти три осколка, но добрая кудрявая девочка отыскала их, собрала и вклеила в родную золотую оправу.

И пусть между ними оставались трещинки, теперь все вместе они отражали только одно прекрасное лицо!

Почему оно было прекрасным? Они и сами не знали.

2022

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Лиззи Блу
Укротившая драконов
М.: Издательство АСТ, 2023

Сингапур — страна с одной из самых развитых экономик мира. Одна из немногих стран Азии, где женщина смогла добиться сначала избрания на пост премьер-министра, а позже заняла президентское кресло. В амбициозных планах Сингапура — претензии на статус самой технологически развитой страны в мире. В удивительном капиталистическом городе-государстве нет места нытикам и жалобщикам, особенно если речь идет о «неженской» профессии — судебной брокер.

В этот «аквариум с пираньями» попадает обычная русская девушка, выросшая в провинциальном городке. Впрочем, героиня Лиззи Блу отнюдь не из робких. Мы понимаем, что эта девушка далеко пойдет, еще с первых страниц, когда она принимает твердое решение: «Остаток вечера я так и пролежала, скрюченная и неподвижная. Жизнь — это вечная борьба за место под солнцем, так мне казалось. В сгущающейся ночной темноте, лежа на толстом колючем ковре, я твердо решила, что не желаю быть разменной монетой в чьих-то играх».

И она добивается своего! Занимает единственное бюджетное место на факультете, затем защищает диплом за рубежом. Ее карьера стремительно набирает обороты. Очень эмоционален момент заключения сделки — восторг, от которого душа уходит в пятки: «Я не понимала ровным счетом ничего, кроме суммы подписываемого контракта, от которой по коже побежали мурашки, — 450 миллионов долларов! Я пыталась представить себе эту цифру, разбить ее на более понятный мне эквивалент в квартирах или авто. И все равно не до конца ее осознала. Как несколько кораблей могли стоить таких денег? Я никогда не видела столько нолей». Казалось бы, живи да радуйся. Но в той профессиональной нише, куда волею судьбы попала Елизавета, выжить очень трудно. Обратная сторона «успешного успеха» — жизнь в рамках диалектического противостояния «съесть или быть съеденным». Конкуренция жесточайшая. Клиенты — сплошь те, кого принято называть элитой общества. Богатейшие люди. Лиза некоторое время пребывает в эйфории от того, какие возможности перед ней открылись. Однако развлечения у этих высокостатусных господ оказываются самыми примитивными, что поневоле разочаровывает читателя. Понятное дело, жизнь есть жизнь, но для этой породы людей «отдых» заключается в посещении злчных мест. Сцена в ночном клубе — на грани благопристойности — отражает изнанку многомиллиардного бизнеса. Господствующему классу дозволено все...

Под конец романа и главная героиня, чувствуя, что профессионально «выгорает», не выдерживает и делится с нами наболевшим: «Возможна ли альтернативная реальность, в которой не было бы сексизма, грубого давления, изматывающих командировок, бесконечных перелетов и джетлагов, разлуки с близкими, ледяного ветра, сбивающего с ног на борту недостроенного судна, двенадцатичасовых перего-

воров в душном, насквозь прокуренном помещении, скабрезных шуточек и немужского поведения?». Но когда жизнь ставит перед Лизой вопрос ребром — продолжить карьеру или уходить из бизнеса — мы понимаем, что добытое столь дорогой ценой девушка не упустит. Финал романа, будучи прерванным на полуфразе, тем не менее однозначен: хищник не изменит своей сути.

Социально-психологические особенности женщины, высоко взлетевшей по карьерной лестнице, показаны в романе очень ярко. Эта женщина работает до тех пор, пока не вычерпает себя до капельки, она нацелена на результат, и, если бы не ограниченность ресурсов тела, не знала бы ни отдыха, ни покоя: «В моей голове не было выбора между „хорошо“ или „плохо“. В данной ситуации я должна была стать машиной, но мой мозг то и дело перегревался от постоянного принятия решений. В один момент я перестала отвечать на входящие письма и молча уставилась на экран, испытывая абсолютное безразличие. Пусть хоть весь мир летит а тартарары! Мое оцепенение длилось три дня, а для бизнеса — словно вечность».

С такой женщиной трудно построить семью. Уважать-то ее можно, а любить — хлопотно, если можно так выразиться. Впрочем, героиня Лиззи Блу умудряется балансировать, совмещать семью и карьеру, даже становится мамой, хотя это событие показано в романе мельком. Автору намного интереснее, как замужество и материнство отразятся на ее профессиональной деятельности (забегая вперед: личностный кри-

зис у молодой женщины все-таки случится), как, пытаясь лавировать между долгом перед семьей и обязательствами перед вышестоящим руководством, оставаться ключевым сотрудником очень серьезной организации. Не всем читателям придется по душе столь рьяная нацеленность на карьеру, однако очень интересно, какое развитие получит эта история, удержится ли главная героиня на плаву?..

Пометка «Основано на реальных событиях» будит читательское любопытство: насколько эта история автобиографична? Если сопоставить имя главной героини и псевдоним автора, а также то, что повествование ведется от первого лица, можно утверждать, что художественный вымысел не так уж сильно исказил реальные события. Даже если некоторые элементы видоизменены или опущены, не может не радовать очевидное обстоятельство: эта сильная женщина существует в реальности. Может быть, не так и важно, где она родилась и училась, гораздо важнее — передать эмоции, ощущения, процесс выживания в той профессиональной нише, где женщин практически нет. Личный опыт, видоизменяясь в процессе структурирования художественного текста, становится общим. О некоторых вещах автор предостерегает читателя прямым текстом, например, о выгорании, о том, что блестящая карьера — результат, за который придется заплатить колоссальную цену: «Я снова очутилась на том же месте. Передо мной промелькнули проведенные в этом городе годы жизни. Изменились и он, и я. В этот день светило солнце. Деловой центр был призрачно и ужасающе пуст. И лишь все та же бегущая строка напоминала, что жизнь продолжается, несмотря ни на что. Но где теперь мое место в ней?».

Книги, основанные на реальных событиях, порой удивляют своей жесткостью. Но жизнь есть жизнь... В итоге получилась захватывающая история не столько о корпоративных интригах, сколько о силе человеческого духа и о том, чего может добиться женщина, однажды приняв твердое решение.

Вера КИУЛИНА

ПРОЗА

НЕЛЛИ КОПЕЙКИНА СОЛДАТИК (ДЕТЕКТИВ)

Нелли Копейкина — поэт, прозаик. Член Союза писателей XXI века. Автор многочисленных книг и публикаций. Произведения Н. Копейкиной изданы на болгарском, английском и татарском языках. Живет и работает в Москве.

Матвей часто видел себя в воображении хорошо одетым, разъезжающим в дорогой иномарке. Куда он ехал, зачем, все это упускалось им, это он не домисливал, но почти явственно ощущал легкость движения иномарки, мягкость сиденья под задом, комфорт, созданный кондиционером. Иногда он представлял себя в уютной квартире, причем воображение всегда усаживало его в очень свободной раскованной позе на большой кожаный диван цвета топленого молока, точно такой, какой он видел в квартире Веры, а, может, даже на него, об этом Матвей тоже не задумывался, но он всегда видел себя на этом диване перед телевизором, который, тоже, как и у Веры в квартире, был больших, и, как казалось Матвею, даже излишне больших размеров. Еще Матвею очень нравилось представлять себя лежащим в белом шезлонге где-нибудь на пляже в теплых странах под пальмами, точно так, как мужик с рекламного щита, висевшего напротив военкомата. Рядом с мужиком на плакате лежала красивая цыпочка, а рядом с собой Матвей укладывал, но как-то нехотя Веру. Жалко, что Вера ничуть не была похожа на ту цыпочку. Это несколько омрачало картину, но Матвей усилием воли заставлял себя смириться с этим. «Ничего, ничего, зато море, пальмы, девочки... Нет, девочки вряд ли, хотя когда-нибудь и девочки...». Еще его любимой картиной была такая: он лежит в ванной в душистой теплой воде с мыльной пеной, причем ванная комната светлая, уютная, даже с цветами в напольной вазе, со множеством каких-то красивых флакончиков и баночек на полочках, с блеском хромированных ручек, вешалок, полочек, с большими зеркалами, мягким ярким светом. Эту картину он стал рисовать себе после того, как однажды Вера попросила его слить воду из ванной. Сразу, как только он вошел в ванную комнату, он понял, что всю жизнь мечтал о такой ванной. Он даже не желал себе признаваться, что раньше в его воображении рисовалась другая ванная, такая, как у его бывшего одноклассника Петьки. Петькина ванная была таких же размеров, как и у всех в их доме, но стены Петькиной ванной до самого потолка были уложены плиткой цвета морской волны, а на стене, к которой прижималась ванна, плитки были расписными и уложены так, что образовывали картину, на которой два дельфина пронеслись над морской волной. Увидев ванну в квартире Веры, Матвей тут же выкинул из своих воображаемых картин Петькину ванную и стал представлять себя в Вериной, а точнее, в своей, устроенной так же, как у Веры. Раньше Матвей даже не представлял, что ванная комната может быть по размерам больше их зала. Залом в их семье называли самую большую проходную комнату, из которой можно было войти в две маленькие комнаты. В зале жили его родители, здесь собиралась вечерами вся семья перед единственным телевизором, здесь устраивались застолья по случаю праздников, здесь справляли свадьбу его сестры Татьяны. Матвей не знал, что туалетная комната может быть размером такой же, или даже чуть больше, чем комната, в которой они жили с сестрой Татьяной, пока он не перешел жить в комнатку, освободившуюся после смерти бабушки. Матвей просто даже не представлял, что в доме может быть столько комнат, сколько их в доме, где жила Вера. А недавно, после того, как Вера провела его на террасу, где она любила проводить вечера, к радужным картинам Матвея прибавилась еще одна: он сидит в кресле-качалке на широкой террасе и в просвет между высокими старыми соснами любит закатом. Сегодня ночью ему даже приснилось это, но только сон закончился как-то плохо. Во сне терраса почему-то рухнула, и Матвей с криком ужаса полетел вниз. Пролетая мимо второго этажа, он увидел в окне искаженные ужасом лица Веры и Зинаиды Васильевны.

Концовка сна немного беспокоила Матвея. Сегодня вот уже дважды он тревожно прокручивал ее в памяти, что-то пытался: то ли понять, то ли узреть неувиденное, но тут же

возникало томление, и Матвей мысленно отмахивался от сновидения. Наконец-то все прояснилось. Перед обедом к нему подошли два сослуживца — вихлявый Славик и обрюзглый Витёк, которые не были ему никогда симпатичны, и общался он с ними мало, только по необходимости. Не скрывая ехидства, Славик и Витёк наперебой заговорили с ним о Вере. Первым начал Славик:

— Ты видел чувака на «Бентли»?

— Какого чувака? — спросил Матвей, не понимая, о ком идет речь и к чему клонит Славик, но понимая, что чувак как-то затрагивает его интересы, иначе ребята не подошли бы к нему с этим разговором.

— А того, что обхаживает Веру Степановну.

Веру, двадцатитрехлетнюю дочь библиотекарши Зинаиды Васильевны, в части все солдаты звали по имени-отчеству, и только Матвей с согласия самой Веры и даже по ее просьбе обращался к ней без отчества.

Вера сразу выделила Матвея среди других солдат. Он был рослым, видным с лица, красиво говорил, острит, много читал. Зинаиде Васильевне, похоже, он тоже нравился, она никогда не противилась встречам дочери с Матвеем и даже при возможности оставляла их наедине.

— Кто обхаживает Веру Степановну?

Неожиданно для себя Матвей повысил голос. Некоторые из сослуживцев, находившиеся неподалеку, обернулись в их сторону. Матвей поверил словам Славика, с этой секунды он точно знал, что на пути к его мечтам появилось препятствие, не зря же во сне он рухнул с террасы, но что-то в нем противилось услышанному, и верить в это не хотелось, и не нравилось, что узнает об этом от Славика, а потому его следующий вопрос снова носил тон угрозы:

— Откуда ты это выдумал?

Славик, наслаждаясь зрелищем психующего Матвея, который всегда, как казалось Славiku, изображал из себя весельчака парня-рубашу, тянул с ответом.

Вмешался Витёк.

— Он провожал Веру Степановну...

Славик прервал Витьку:

— Я сегодня видел.

Говоря эти слова, он по-бабьи вильнул торсом, приподдерживая плечо и сделал вызывающий поворот лица в сторону. Причем, будучи многословным по натуре, его даже звали «балаболом», Славик нарочито замолк для того, чтобы подразнить Матвея, потерзать его душу. После небольшой паузы, наблюдая, как лицо Матвея наливается краской, продолжил:

— Пижон такой на черном «Бентли» с крутыми номерами — три семерки. У него ботинки одни, наверное, стоят пятьсот евро, костюм, сразу видно, шит по хорошему лекалу, галстук тоже не на барахолке куплен. У меня есть такой, мне друг мой подарил, знаешь, сколько он стоит? — Славик специально вводил разговор, давая Матвею время на осознание услышанного. Ему было весело наблюдать за тем, как каменело лицо Матвея. С нарочитым безразличием он продолжал, — Вот только староват он для Веры Степановны, и лицо у него грубоватое.

Славик ждал от Матвея слов или каких-то действий, но Матвей по-прежнему молчал, только еле заметно на лице его дрогнули желваки. Что ж, продолжу, — решил Славик, но, опередив его, заговорил Витёк.

— Да, женщины любят таких. У него же, сразу видно, кошелек набит, а это для них главное. Видели бы вы, как они целовались. Вера Степановна просто млела от восторга. Думаю, она от счастья кипятком писается.

Последнюю фразу Витёк заимствовал у своей сестрицы Любы, которая часто говорила так о себе, когда ей что-то особенно нравилось.

— Ну, конечно, Вера Степановна не дура, чтоб отказаться от такой партии, — как бы отвечая Виталику, но искоса поглядывая на Матвея, продолжал Славик. — Не за гололопого же солдатака ей замуж выходить. А этот, сразу видно, мужик при деле: и тачка, и прикидон. Правда, не знаю, что он в Вере нашел, я бы не повелся на такую, думаю, его заинтересовали денежки Вериного папаша. Я слышал, он тут заправляет...

Чем заправляет папаша Веры, Славик, прерванный Матвеем, договорить не успел. Лицо Матвея исказилось злобой, в глазах мелькнула ярость.

— Ты, — грозно зарычал он, — не сильно-то заговаривайся! Ты б на Веру не повелся? Да это она на таких, как ты, не смотрит!

В голосе Матвея звучала угроза. Поняв, что может попасть под горячую руку, Славик заговорил примиряющим тоном:

— Ну, я в том смысле, что вкусы у всех разные. Я вообще люблю брюнеток. Если я когда-нибудь женюсь, то...

Славик снова не договорил.

— Да никогда ты не женишься.

— Ладно, ладно, Матя, — вытягивая вперед тощие руки, как бы ограждаясь от Матвея, ответил Славик. — Ноу проблем! Ты чего так взбеленился-то? Мы подошли к тебе как к другу, помочь хотели... — Ты, того, не зевай! Девку-то уведут из-под носа.

«Да уж уведут», — подумал Матвей, а вслух сказал:

— Ну, и чем помогли?

— Ну, ты прими какие-нибудь меры, — выдвинулся с советом Витёк, — поговори с Верой. Она же любит тебя. Или с ним поговори по-мужски!

— Конечно, — подхватил Славик, — поговори с ним по-мужски. Хотя он и обращается к Вере Степановне как джентльмен: и дверцу машины открыл перед ней, и ручку подал, и так мило улыбался своей голливудской улыбкой, но это же скотство — уводить из-под носа у парня девушку. Можно сказать, невесту.

— Не ври! — прорычал Матвей, немного подавшись торсом на Славика.

— Матя, так и было! — закрывая вихлявого дружка своим рыхлым телом, с некоторым отчаянием в голосе почти прокричал Витёк.

— Где ты его видел? — не глянув даже в сторону Витька, но затушив в себе неожиданно вспыхнувшую ярость, спросил Матвей Славу.

Славик, напуганный неожиданным напором Матвея, порастерял свое ехидство, а потому ответ его прозвучал буднично и даже с нотками жалости в голосе.

— Утром я сегодня дежурил на КПП... Да ты Серёгу спроси, мы же вместе дежурили, а Витёк позавчера видел. Да, Витёк?

Витёк кивнул, хотел что-то сказать, но Славик продолжал:

— Он, кстати, сегодня приедет за ней вечером. Я сам слышал. Он спросил ее, во сколько за ней заехать, она сказала — в пять.

— Ладно, разберусь, — зло буркнул Матвей и, расталкивая стоящих перед собой ребят своим большим крепким торсом, удалился.

Как ни пытался Матвей скрыть свое волнение, ему это не удалось. Вера сразу заметила в нем перемену.

— Ты чего сегодня такой смурной? — спросила она и застыла в ожидании ответа. Ответа не дождалась. Матвей опустил глаза, потом голову, потом повернул голову в сторону, уперся недобрым взглядом в стеллаж с книгами и тоже застыл с очень чужим, неприятным выражением на лице.

— Не хочешь, не говори, — пожала Вера круглым плечом и сделала вид, что занимается разбором карточек.

Матвей понимал, что все портит, большим усилием воли он все-таки сумел совладать с собой, надел на лицо улыбку и, придумывая на ходу слова, заговорил:

— Устал я, Вер. Надоело все, хочется скорее на гражданку, хочется почувствовать себя человеком. Хочется всегда быть с тобой рядом.

При последних словах Матвея лицо Веры озарилось радостью.

«Сволочи, провели меня как лошару, — подумал Матвей о Славике с Виталиком. — Верка любит меня. А я как дурак повелся. Ладно, посчитаемся».

— Без тебя мне тошно, Верунчик, — автоматически продолжал заливатьсь враньем Матвей. — Я вот иногда думаю, что бы я делал, какой бы была моя жизнь, если бы я не встретил тебя. Я даже во сне тебя вижу.

Тут Матвей вспомнил свой последний сон и почти явственно увидел два искаженных ужасом лица на втором этаже за стеклом. Одно лицо было Вериным. Слава Богу, это был просто сон, а наяву Матвей видел перед собой влюбленную дурочку, верящую в его красивые сказки. На случай, если пацаны не соврали, и у Веры действительно есть ухажер, Матвей решил укрепить свои позиции красивой болтовней. Он заметил, что девушки на красивые слова ведутся, как мотыльки на свет. Вера не была исключением.

Продолжение на стр. 9

ПРОЗА

Нелли КОПЕЙКИНА
СОЛДАТИК
(ДЕТЕКТИВ)

Продолжение. Начало на стр. 8

— Да? — Ну-ка, Расскажи, Расскажи! — радостно воскликнула Вера.

Тут в библиотеку вошел старшина Брык. Увидев Матвея, он строго напомнил:

— Соловьёв, через... — посмотрел на свои наручные часы, — семь минут построение.

— Да, товарищ старшина, — несколько вытянувшись, отчеканил Матвей, — через семь минут буду в строю.

— Ну, ну, — улыбнулся старшина, и, давая возможность Вере с Матвеем завершить разговор, отошел к дальнему стеллажу.

— При следующей встрече расскажу, — приглушенным голосом сказал Матвей. — Когда встретимся? Может, я сегодня смогу выбраться...

— Нет, — прервала его Вера, — сегодня не смогу встретиться.

«Значит, правда», — хлестко пронеслось в сознании Матвея. Лицо его снова изменилось, да и во всем облике появилась какая-то жесткость. Стараясь придать голосу мягкость, хотя это плохо ему удалось, Матвей спросил Веру:

— Почему?

— Да так, небольшая встреча с человеком. Это так, — Вера небрежно махнула рукой, — все мамыны выдумки, мне этого не надо. Слушай, давай завтра встретимся. Приходи завтра...

Матвей не слышал слов Веры. Он лихорадочно решал про себя, как же ему быть, что предпринять. «Надо было валить ее, — упрекал себя в мыслях Матвей, — беременная, она никуда бы уж не делась».

Из пут мыслей вытащила его Вера, положив на плечи ему руки.

— Ну не расстраивайся ты так, — успокаивала она его, полагая, что мрачность его вызвана огорчением по поводу того, что сегодня их встреча не состоится. — Беги, а то опоздаешь! Не хватало еще попасть на «губу».

— Побегал, — объявил Матвей, поворачиваясь к девушке спиной.

— Стой! — остановила она. — А поцелуй? — при этом Вера подставила Матвею для поцелуя толстую румяную щечку. Матвей чмокнул ее.

Следующие несколько часов Матвей провел в режиме сомнамбулического сна. Он исполнял все команды, маршировал со всеми в строю, но делал это безучастно. Все его мысли были заняты чувством, уводящим из-под носа Веру, а вернее, рушащего его мечту стать зятем короля леса. Так все называли отца Веры — Бумежского Степана Львовича. Сама Вера Матвею совсем не нравилась, хотя внешне она была интересна: высокая, статная, с модной прической, хорошим макияжем, дорого и со вкусом одетая, да к тому же с симпатичным лицом, но Матвей знал, что Вера ленива и туповата, она еле-еле закончила обучение в школе, а дальше учиться не хотела, считала, что незачем, считала, что главное в жизни это деньги, с ними можно все. Тут Матвей с ней был согласен, главное — деньги, с ними можно все, но ему хотелось, чтоб, имея все, купленное за деньги, иметь еще рядом образованную жену, с которой было бы интересно общаться, которая могла бы многое передать детям. Вера же почти ничего не читала, смотрела глупые, с его точки зрения, передачи, мультфильмы, а целью и интересом ее жизни были занятия по уходу за собой. Пусть с некоторой ленцой, но все-таки она сажала себя на многочисленные диеты, занималась в тренажерных залах, ходила на плавание в бассейн, посещала сауну, массажистов и что-то там еще, а говорить обо всех этих занятиях, процедурах, об их пользе и вреде, об их эффективности и безрезультатности, сравнивать их, пересказывать информацию, прочитанную в журналах о том, что кто-то из известных занимается для сохранения молодости тем-то, она могла часами. Собственно, в основном об этом и говорила Вера при встречах с Матвеем. Ладно б еще был результат от всех этих занятий, но Матвей с тоской наблюдал на предплечьях Веры подкожные изломы жира, появление которых у матери он заметил только год назад. Так сколько лет матери, а сколько Вере... И некрасивое строение ног Веры тоже нельзя было исправить. В годах Вера представлялась Матвею похожей на свою тетю Наталью — крупную тучную женщину с грузной тяжелой походкой, ведь уже сейчас походку Веры нельзя было назвать легкой. Но это ничуть не беспокоило Матвея, главное, путь к сердцу Веры — это верный путь к красивой жизни. Матвей был уверен, что тесть обеспечит его непильной работой, глядишь, и знание языков пригодится, зря, что ли, учил их. А когда-нибудь, тесть-то не вечен, и место свое освободит, все передаст в руки Матвея. Поэтому Матвей,

которому давно обрыдли глупые Верины разговоры, искусно вворачивал в монолог Веры вопросы и звуки, выражающие его одобрение, негодование, удивление и другие чувства, придавая Вериному монологу некоторые свойства диалога. И это, действительно, имело большой результат. Вера, которую никто никогда не слушал дольше пяти минут, все сильнее и сильнее влюблялась в Матвея. Матвей видел это и уже мысленно торжествовал победу, но все изменилось. Какой-то чувак мог все испортить.

«Как Вера сказала, это нужно маме...», — вспомнил Матвей и обрушил злобу на Зинаиду Васильевну. «Этой все денег мало, мечтает заполучить для доченьки мужа богатого. Что ей в могилу, что ли, с собой все взять хочется? Меня Верка любит, меня! Хотя ее кто пальцем поманит, тот и хорош. Конечно же, — кинулся мыслями Матвей на чувака, — он позарился на деньги папаши, уж не на Верку же. Что делать? Что предпринять? Верка — дура, с ней говорить бесполезно, а с чуваком — тем более. Нашлись, тоже мне, советчики. Ну и что я ему скажу? Дядя, не мешай, у нас любовь. Да засмеет же он, да еще перед всеми. Нет, надо действовать по-другому. Как? Как действовать?»

Несколько раз в течение дня в сознание врывалась часто повторяемая его отцом фраза: «Есть препятствие, устрани его любой ценой». «А препятствие есть. Но как его устранить? Убить, что ли, этого пижона?» «Можно и убить», — холодно-кровно отвечал внутренний голос Матвея.

«Убить, убить, убить... Как сделать-то это?» «Просто, — говорил тот же голос. — Взять и шмякнуть ему чем-нибудь по башке. Башка-то у него не в каске».

«Не в каске-то, не в каске. Да что, он мне башку свою подставит станет?»

«Нет, конечно. Но придумай что-нибудь! Ты же всегда...»

«То было когда... Да ведь там было не убийство. А тут, шутка ли, взять и убить человека». «Человека! — внутренний голос негодовал. — Он для тебя не человек, он — препятствие. Надо устранять! Придумай что-нибудь. Ты же знаешь, он поедет сегодня по пустынной дороге к южному КПП...»

«Да, да, сегодня он придет за Верой, будет проезжать вдоль забора по дороге, я буду поджидать его, проголодную... Если не будет останавливаться, выскочу под колеса, остановится. Может, посадит меня, а может, выйдет из машины. Не важно, где, в машине или на дороге, главное, я его угрожаю».

Мысли Матвея выстраивались в ряд. Он подетально стал продумывать преступление.

Неожиданный вечерний приход Матвея обрадовал Веру. Сказав комплимент, Матвей полез к девушке с поцелуями. Вера была счастлива. Прервав поцелуй, Матвей вдруг заговорил о сне.

— Я обещал рассказать тебе свой сон про нас! Представляешь, мне приснилось, что мы с тобой едем в красивой машине, на тебе розовое платье, а кругом цветы. Много-много цветов.

— Растут?

— Нет, в машине цветы, да и растут вдоль дороги. Я за рулем, а сам все лезу к тебе целоваться. Ты еще мне говоришь, — смотри на дорогу, — а я ничего не боюсь! Веду машину и целую тебя.

— Здорово! — восхитилась Вера. Когда мама вернется с отдыха, обязательно расскажу ей этот сон. Она умеет их объяснять.

— Я сейчас! — как-то очень торжественно объявил Матвей и стремительно выбежал из библиотеки.

Все это: и поцелуи, и красивый сон-сочинение, и это стремительное отлучение — все являлось деталями его скрупулезного плана. Далее он побегал в сторону левой проходной. Так в узком кругу доверенных лиц-солдат было дело показывали лаз, сделанный в заборе, в той его части, которая ближе всего располагалась к городу. Вынув из зарослей заранее заготовленный целлофановый мешок с кирпичом внутри, Матвей юрко выскользнул наружу и осмотрел дорогу в обе стороны. Несмотря на рассчитанность действий, сердце билось учащенное обычного. Волновался. «На фига ты так волнуешься, — выругал его внутренний голос, — все путем». Но второй внутренний голос обратился с мольбой к Богу — «Господи, помоги!»

Завидев приближающуюся машину — черный «Бентли» с крутыми номерами — собрался. Внутренний голос командовал — «теперь грамотно, не выказывая волнения, останови чувака». Уверенно вытянул руку, шагнул вперед, чуть выходя

на дорогу. «Хорошо. Останавливается. Еще, паскуда, по телефону болтает, наверное, дура этой названивает. Так, теперь...»

— В часть? — услышал Матвей. И уж только потом, когда стекло опустилось полностью, увидел лицо водителя. Тот весело улыбался.

«Где-то видел его, — мелькнула мысль на доли секунд, но вспоминать было некогда, надо отвечать».

— Да.

— Садись! — весело пригласил чувак.

Доли секунд Матвей оторопело оставался стоять на месте. В сознании оставалась мысль — «где-то его видел». «Двигай!» — скомандовал внутренний голос. Уверенно двинулся. Садясь, Матвей успел подумать, — «значит, ударю в правый висок». Сел и тут же со всей мочи ударил водителя в висок. Обрадовался тому, что получилось, как и хотел, сумел ударить до того, как машина тронулась. Обрадовался тому, что кровь не брызнула, а потекла по щеке жертвы ручейком. Быстро выскочил из машины, применяя меры осторожности, чтоб не испачкаться кровью, потрогал пульс мужчины, убедился, что тот мертв и снова обрадовался. Обтер запасенной тряпичной ручку машины и юркнул назад в лаз. Осторожно выкинул из пакета кирпич, вывернул пакет, проделав несколько шагов влево, наклонился и всунул кирпич в паз, из которого он был вынут, скомкал пакет и впихнул его в гущу кустарника. Пакет черный, в листе неприметен. До осени-то уж точно его не обнаружат. Поднял заранее нарезанные им с куста жасмина, который рос у столовой совсем в другом конце части, ветки с цветущими душистыми цветочками и кинулся к библиотеке.

Вера ждала.

— Куда ты убежал? — капризно спросила она. Мне пора бежать, я опаздываю!

— Вот! — Матвей взволнованно протянул девушке веточки. Вера недоуменно посмотрела на них. Матвей упредил ее. — Милая, мне так хочется засыпать тебя цветами, как во сне, но сегодня я смог нарвать только эти.

— Масик! — нежно произнесла Вера. — Ты чудо! Ты такой романтик!

Возбужденность Максима Вера отнесла на свой счет. Поцеловались. Вера глянула на часы.

— Я побегу! Мне пора!

— Ну, пожалуйста, не убегай! — Матвей пытался остановить девушку. Но Вера была непреклонна. Чмокнула его в щеку, схватила на ходу сумочку, и, суя Матвею ключи от библиотеки, парировала: — Матик, меня ждут. Запри все тут, ладно! Ключи сдай или оставь у себя до завтра.

«Да уж не ждут», — ликовал Матвей. Запирая библиотеку, он мысленно пробежался по своему уже исполненному плану. Все удалось. Даже вот оно алиби — ключи от библиотеки. Пойду, сдам их Зуйко. Он тоже подтвердит, что я был в библиотеке. С этой мыслью Матвей бодро направился к дежурке.

Вечерний отдых Матвей спланировал так, чтобы была возможность прослушать местные новости. «Узнаю, кого грохнул, — решил он. — Точно уж это был не простой чел, а шишка какая-то. Лишилась Вера ухажерчика!» Но новость, услышанная Матвеем, шокировала его. Не ухажерчика, а отца-кормильца лишилась Вера. Голос диктора буднично вещал о зверском нападении на известного предпринимателя Бумежского Степана Львовича. Во весь экран телевизора был выставлен портрет убитого, точно такой Матвей видел в рамке, стоящей на полке в библиотеке в доме Бумежских. Мысли роем завертелись в сознании Матвея:

«Я грохнул папашу! Я же видел этот портрет в библиотеке, хотел спросить Веру, кто это, но она верещала все, как сорока, так и не спросил. Так у нее была встреча с папашей! Зачем? Что, дома не могли, что ли, встретиться. Боже! Боже! Как же быть! Зачем? Он же мне нужен! Что Верка без него? Курица тупая! Не могла сказать, что встречается с папашей. Боже, ну зачем мне теперь эта Верка! Как бы это все исправить? Боже! Да если еще узнают, что это я убил. Этот Славка все специально подстроил. Что, что делать?»

Мысли сдавили голову и каким-то плоским свинцовым блином ударили в лицо. Неожиданно для себя Матвей издал звук, схожий с рычанием и в то же время со стоном, вскочил, с грохотом роняя стул из-под себя, и зачем-то рванул к выходу, как если бы там, за дверью комнаты для отдыха, была другая реальность. Почувствовав на себе взгляды присутствующих, остановился, обвел всех налитыми кровью глазами. Смотрели на него по-разному: двое смотрели

Окончание на стр. 10

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА

Книга Алексея Пурина «Астры», выдержанная временем и дополненная сообразно вновь возникшим обстоятельствам, напоминает нам о мимолетности всего сущего. Название этих цветов произошло от греческого слова «звезда», и в данном случае название выглядит символичным, поскольку автор с 1989 года заведует отделом поэзии, а с 2002 года также и отделом критики журнала «Звезда». На языке цветов астра символизирует любовь, изящество, изысканность, а также воспоминания. И это неудивительно, учитывая, что астры — цветы осени, яркая вспышка перед сезоном холодов. Последняя уходящая красота.

В стихотворениях Пурина даже сожаление о прошлом выглядит изысканно. Удивительно, но это чувство, при всей его трагичности, разворачивается у поэта на солнечном фоне: дважды повторенное, слово «свет» будто бьет читателю в оба глаза, и слепит, и заставляет зажмуриться... У астры и Астреи, древнегреческой богини справедливости, один корень. Обе они оттягивают момент истины, неумолимый и печальный. Правду о том, что ничто человеческое не вечно:

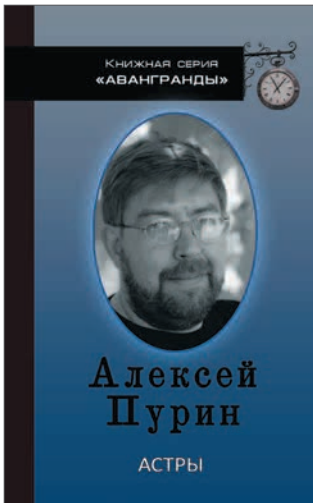
Еще раз: золотое стадо
в лазури — и свет, и цвет,
и старческая досада:
крыльев-то нет как нет!

За чувством досады спрятан «культурный слой» экзистенциальных вопросов, связанных с притязаниями человека, и все они сливаются к одному — «чего я заслуживаю»? Часто ответы на эти вопросы кроются в духовном состоянии человека. И найти причины можно, лишь тщательно покопавшись в глубинах собственной совести. Не такие уж они и глубокие... Изящество, тонкость, с которой в тексте появляется безысходность, как бы нивелирует ее тяжесть. У Алексея Пурина все стихи такие — как будто сказка обрывается на самом интересном месте: задумываясь над основополагающими вопросами, поэт, подступая к «пределу» человеческого существования, к страшному слову на букву «С», избегает называть ее по имени. Тем более, размышлять о том, что ждет «на том свете». Это уже за границей ответственности поэта. Вот подготовить читателя к этому неминуемому переходу стоит основательно. Последние цветы перед полугодием полного отсутствия зелени — олицетворение того, что «завтра» призрачно, тревожно и вряд ли будет соответствовать нашим надеждам. Интеллигентно, порывисто поэт напоминает нам о том, что за рассветом жизни всегда наступает закат:

Завтра — дремота тлена,
плен и — в луже плевков —
крошечная Елена,
черт-те где островок.

Крах французского императора — грустная картина. Кто был всем, стал никем. Впрочем, такое прямое высказывание относится лишь к судьбам конкретных людей. Когда же речь идет о человечестве в целом, картина меняется, отражая масштаб описываемого явления. На помощь приходит развернутая метафора, лексически своеобразная, но предельно понятная. Метафизику пространства и порядка петербургский поэт воспекает опосредованно, заходя издалека:

Алексей Пурин
Астры
Книжная серия «Авангарнды»
М.: «Издательство Евгения Степанова», 2024

Римские базилики с вокзалами
схожи — так же людно, тот же гул
вызван понаехавшими галлами,
на баул сменившимися аул, —
даками, и готами, и гуннами...
Или здесь отъезд в иную даль —
вздохи под пролетами чугунными,
рельсов ускользающая сталь?

Первое сущестительное, которое приходит на ум под статью определения сущности упоминаемой эпохи, наиболее характеризующее «римский» период истории Древнего мира — «жесткость». Римляне — практики. В решении задач материальной жизни они отличались рациональностью и дисциплиной. Искусство для римлянина — это так, развлечение, легкий жанр, вот воевать или тренировать легионеров — задачи, достойные гражданина великой империи. А что есть вокзал? По сути, тот же порядок и дисциплина: расписание поездов, монотонное чередование шпал и параллельные прямые рельс, которые никогда не пересекутся. Стройная замкнутая система, близкая к совершенству. Эта развернутая метафора доставит наслаждение искушенному и образованному читателю. Но и тот, кому лень заглянуть в словарь, чтобы узнать, чем готы отличаются от гуннов, увидит здесь равновесие двух начал — шири и формы, каждое из которых ярко заявляет о себе. Восприятие города зависит от того, как сочетаются между собой полярности высокого и малоэтажного, площадей и переулков.

За пределами земной двойственности — «иная даль», в которой возможны и свобода, и непредсказуемость. Стихотворения Алексея Пурина отличаются очень четкой структуризацией пространства за счет слов, заимствованных из разных словарей и в большинстве своем неведомых массовому читателю. Текст выглядит тяжеловесным и властным, как поступь облеченного властью, то кесаря, то боярина, в отличие от того, какая лексика преобладает. Например, эта же

строгость формы, некое «официальное» состояние сквозит в стихотворении, казалось бы, отвергающем статику: о стихиях, об изменчивой живой природе — предваренном эпиграфом из Г. Р. Державина «...И общей не уйдет судьбы» (почему-то так и хочется дополнить — «все там будем»):

А ты, несчастный, но счастливый,
в ответ сквозь слезы улыбнись:
ручей струится говорливый
с горы, тропа стремится ввысь;
пусть час, но лилия глядится
(ты помнишь!) в девственную гладь —
и шумно вспархивает птица...
Все знать — и ничего не знать!

А это уже Сократ: «Я знаю, что ничего не знаю». Античная философия и мифология в творчестве Алексея Пурина занимают значительное место. Внутритекстовая роль эпиграфа — сделать из воздушной, легкой зарисовки стройное философское стихотворение. Завершая лирический сюжет стихотворения, афоризм дает нам понять, что автор данного текста — человек вдумчивый, и вид бегущей воды рождает у него не тягу к свободе от условностей, но понимание собственных ограничений и возможностей. Заявляя о своем незнании, человек показывает, что знает больше, чем остальные:

Что ж, гляди на закаты
да на лунную гладь, —
мир прекрасный, куда ты
норовишь? — не сдержать...
Иль закон нам не ведом,
что, не зная стыда,
нас, хоть будь Архимедом,
вытесняет вода?

И не беда, что рано или поздно все закончится. Главное, сколько жизни было в отпущенных днях. Воспоминания становятся барометром внутреннего психологического состояния: на что человек нацелен, то и «выплывает» из подсознания в первую очередь. В этом отношении весьма показательно стихотворение «Памяти Ленинграда». Да, все меняется, но воспоминания несут в себе отпечаток нашей индивидуальности. Это точки нашей опоры в минувшем. Их не сотрешь, пока человек жив:

...Шампанское «Советское»... Ситро...
Театр, где все подделно и пестро...
Витрины в Элизийском магазине...
Пивной ларек в промозглом серебре...
Руины в царскосельском сентябре...
Бессмертно все (спасибо Мнемозине)!

Пригвождая к земле восклицательным знаком хоровод многоточий, автор резко возвращается из прошлого в настоящее. На самом деле всему виной наше «сегодня». Именно оно заставляет обращаться во «вчера» и учит ценить текущий момент. Обновленная книга Алексея Пурина говорит нам о том, что есть да способа мышления — страдать либо жить. Поэт воспевает жизнь, хоть и сокрушаясь о ее конечности. Красиво, ей-богу, красиво. Читаем и наслаждаемся.

Ольга ЕФИМОВА

ПРОЗА

Окончание. Начало на стр. 8

сочувственно, один с непониманием, двое заинтересованно, но взгляд Славика выражал испуг, понимание и насмешку. Все как-то одновременно в одном взгляде. Да, именно так: испуг, понимание и какая-то издевка. Встреча взглядов была секундной, а может, более краткой, но Славик, еще мгновение назад сомневающийся в том, кто убийца Бумежского, теперь точно знал его и понимал свою роль в этом убийстве, а потому, как только за Матвеем хлопнула дверь, он с театральной сочувственностью громко, так, чтоб слова его звучали громче слов диктора, вещавшего уже о погоде на завтра, сказал:

— Да, парня понять можно, лишился возможности стать зятем самого Бумежского! А ведь перед ним раскрывались такие перспективы! Да и Веру Степановну ему жалко, все же он ее так любит! Наверняка это какие-нибудь бандитские разборки. Ведь где деньги, там всегда нечисто...

Следственные органы тоже решили, что Бумежского убили по заказу какие-нибудь конкуренты. Конечно, в воинской части тоже побывали, порасспрашивали командный состав, но рядовых не трогали.

Нелли КОПЕЙКИНА
СОЛДАТИК
(ДЕТЕКТИВ)

Три года спустя за вечерним чаепитием на веранде после слов Зинаиды Васильевны, немного заискивающей перед зятем, о том, что хорошо, как Матвей Егорович, владеть языками, Вера, окуная булочку в сливки, сказала:

— Если бы папу тогда не грохнули, я бы сейчас училась на третьем курсе. Слушала бы лекции, просвещалась...

«Да уж, просветишь тебя», — зло подумал Матвей о жене, но вслух с добрым выражением на лице сказал ей:

— Давай-ка, Верунчик, мы купим тебе диплом. Ну что, в самом деле, в том криминального? Сейчас многие так поступают, почему же нам не воспользоваться этим. Кем ты хотела стать? Литературоведом? Вот и будь! Книг ты читалась много, а диплом он никогда не помешает.

При этом Матвей знал, что книг Вера вовсе и не читывала, и с интересом наблюдал, как при этих словах Зинаида Васильевна как-то неловко опустила чашку на блюдце, ерзнула

на стуле, а Вера даже бровью не повела, как жевала свою булочку, так и продолжала смачно жевать. Проглотив прожеванное, сказала:

— Да, Матик, давай лучше купим, ну не сидеть же мне, в самом деле, с этой мелюзгой за партой. Это папа все мечтал усадить меня за парту. Уже даже договорился обо всем, мы в тот день должны были с ним мои документы отвезти в институт, да вот не успели.

— Да, — печально заметила Зинаида Васильевна, — папа, узнав, что Матвей Егорович знает языки, что он хорошо образован, решил, что ты обязательно должна выучиться. — Обращаясь к Матвею, Зинаида Васильевна сказала: — Жаль, что вы так и не познакомились, уверена, Степан... понравился бы вам. Вас, Матвей, — Зинаида Васильевна на этот раз упустила отчество зятя, — он любил уже как сына, говорил, сделаю его правой рукой. Жалко, не успел. Сейчас все было бы по-другому.

ПОЭЗИЯ

МАРИНА МОСКАЛЕВА
ПРИШЛИ МНЕ ВЕСТОЧКУ С НЕБЕС

Марина Москалева — поэт. Живет и работает в г. Иваново. Автор многочисленных публикаций. Член Союза писателей XXI века с 2024 года. В газете «Литературные известия» публикуется впервые.

* * *

Осень поэту — сестра и мачеха,
Красная смерть на миру.
Сладко и аутентично плачется
В городе — на ветру.

Лист под ногой — иллюстрация тления
и суеты сует.
«Так-то вот толпы и топчут гения!» —
Нервно бубнит поэт.

В поисках рифм он по парку мечется,
Дрожью идет река.
В общем, бронхит-то хоть как-то лечится.
Лучше депресняка.

Парки холодные — ад посетителей,
А для поэта рай.
Видишь: метафоры и эпитеты
Сыплются — подбирай.

* * *

Никто не хочет жить в рыбацких старых бухтах,
А все хотят туда приехать на денек
С причала камень пнуть, сказать негромко: «Ух ты!»
И к старым рыбакам зайти на огонек.

В аутентичный паб зайти и выпить эля
Буквально по сто грамм. Ну, или коньяка.
Конечно, рыбку съесть и сфоткаться на ели.
И сторис запилить немедленно в вк.

С хештегом «чепыжи», с хештегом «попа мира».
Смотрите, мол, народ, — здесь кто-то на плаву.
А у кого-то здесь любимая квартира,
И люди, злу назло, здесь все-таки живут.

Никто не хочет жить в Коровинском проезде
В Собачьем тупике и в Новых Гребенях.
Да что там говорить, ведь, братцы, если честно,
Туда не заманить надолго и меня.

Никто не хочет жить на дальнем полустанке,
В селении Борки, в картинке букваря.
Еще на целине, в бараке и в землянке
Никто не хочет жить. А, может быть, и зря.

А может, там рассвет, смородина и липа.
Там золотой костер пылает на юру.
Когда-нибудь и я туда не в рамках трипа,
А прямо жить приду. И, может, там умру.

* * *

Как ни скрывай прабабушку-блокадницу,
Она наружу рвется все равно.
Блокадница не ходит в «Шоколадницу»,
Не выбросит прогоркшее пшено.

Когда меня кручина скрутит надолго,
Прабабушка — опора мне и твердь.
Она детей возила через Ладогу
И в шаг от себя видала смерть.

В промерзшем детском доме — тени по полу...
Потом она расскажет нам, потом,
Как там чулки единственные штопала,
Покуда не проснулся детский дом.

И мне еду не выбросить — так знаково.
Подход при «олл-инклюзиве» нелеп.
Но я-то помню, как прабабка плакала,
Когда, случилось, вдруг кончался хлеб.

Потомки недостойные, беспечные,
Не сохранили мы ее наград.
Нерукотворны памятники вечные —
Те дети, что вернулись в Ленинград.

* * *

Как обидно дожить до победной весны
И упасть от случайной пули!
Словно ангелы, сдюжив года войны,
Напились, обнялись, уснули.

Словно кто-то сказал им — ребята, ша,
Скоро дома напьемся чая...
И какая-то выжженная душа
Спину выцелила случайно.

И исход войны уже ни при чем:
Только месть, только боль и злоба.
«Вот, — он думал, приклад уперев в плечо, —
Вот он гвоздь вам всем в крышку гроба»...

А тебя уже дома, конечно, ждут:
Двигать стройки, поля готовить.
Но другие ребята с войны придут —
А тебе-то и так — везло ведь!

И не кланялся пулям, но был храним
Чьей-то волей, любовью чьей-то.
Что за музыка льется к тебе сквозь дым?
Это флейта. Конечно, флейта!

Плачет музыка, плачет, зовет, поет,
Отпевает тебя, упавший...
Скоро встретит тебя твой небесный взвод,
Что позиции занял раньше.

Смыты порох и пыль, их лица свежи,
Светят взгляды, блестят медали.
А ребята ведь тоже хотели жить,
И их тоже, конечно, ждали...

Только ангелы, сдюжив года войны,
Не предвидя случайной пули,
Посреди этой бурной, шальной весны
Напились, обнялись, уснули.

* * *

Моя Итака далеко,
И там меня не ждут.
Веселым девушкам легко
Найти себе приют.

Все это верно, но потом,
Когда польют дожди,
Меня потянет в отчий дом —
К гадалке не ходи.

И я сама себя возьму,
Устала и слаба,
В обитель слез, в обитель муз
И брошенных собак.

Я молча добреду туда
И сяду у ворот.
И дай Бог сил — не звать, не ждать
Все тех, кто не придет.

* * *

Проигравших не жалеют, победителей не судят.
И поэтому себя ты не жалеи и не суди.
Если завтра проиграешь, ничего уже не будет —
Только выжженное поле — впереди и позади.

И поэтому неважно, что ты думал в миг последний,
Поднимаясь из окопа с окровавленной душой.
К мертвым пальцам не пристанут ни наветы
и ни бредни.
А в победе и лохмотья будут виться, словно шелк.

И лицо твое на фото — все в пыли, крови и саже —
Это будет безусловный, канонический сюжет.
Никаких нет оснований торговать душой и даже
Никаких нет оснований отступать от рубежей.

Победителей не судят, проигравших не жалеют.
И поэтому себя ты не суди и не жалеи.
Закусив губу до крови, ты шагаешь по аллее.
И несутся за тобою тени мертвых королей.

* * *

Пришли мне весточку с небес,
Дай знать мне, как ты там...
Не то чтоб я прошусь к тебе,
Но давит пустота.

Меня на небо не возьмут,
И дочь еще мала.
Но очень бесприютно тут
Без твоего тепла.

Мне в утешенье говорят:
Ты без мытарств в раю.
И среди душ других солдат
Твоя нашла приют.

Что крепок ваш небесный строй,
Что светел каждый взгляд,
Что ты мой ангел и герой —
Вот так мне говорят...

Что словно надпись на песке —
Смывает время след.
Но в этой боли и тоске
Мне утешенья нет.

За упокой свечу свою
Несу тебе как весть:
По каждому у вас в строю
Рыдает кто-то здесь.

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 21 ГОД.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), «Зарубежные записки» (выходит с 2013 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года),

телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 100 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более

1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), трижды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

По горизонтали:

1. Автор романа «Война и мир».
4. Автор романа «Властелин колец».
5. Автор романа «Три мушкетера».
7. Автор романа «Преступление и наказание».
12. Автор романа «Сто лет одиночества».

По вертикали:

2. Автор романа «Отец Горио».
3. Автор романа «Доктор Живаго».
6. Автор романа «Красное и черное».
8. Автор романа «Дом и мир».
9. Автор романа «Автостопом по галактике».
10. Автор романа «Убить пересмешника».
11. Автор романа «Игра в бисер».
13. Автор романа «На Западном фронте без перемен».

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru),
Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com.ru)
и литературно-творческого объединения МИД России
«Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>
E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Константин Кедров, Вера Киулина,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

В оформлении газеты использованы материалы сайта бесплатных изображений freepik.com.

Отпечатано в типографии «Майер».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ 5312. Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

9 772949 352007